

Андрей
Воронов-Оренбургский

ФАТУМ

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ
НА КРЫЛЬЯХ СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

18+

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том четвёртый.

На крыльях смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Воронов-Оренбургский А.

Фатум. Том четвёртый. На крыльях смерти / А. Воронов-Оренбургский — «ЛитРес: Самиздат», 2003

ISBN 978-5-532-07528-3

1815 год. В результате революции в Мексике русско-американским колониям грозит война. В Калифорнию отправляются два посланника – из Мадрида и Санкт-Петербурга. Каждый из них везёт секретные директивы, способные предотвратить нарастающий конфликт. Но вмешиваются третьи силы, и коронных гонцов подкарауливает смертельная опасность на каждом шагу. «Фатум» продолжает традиции старых добрых романов, невероятно насыщенных событиями, географическим размахом путешествий, калейдоскопом ярких персонажей. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07528-3

© Воронов-Оренбургский А., 2003
© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

Часть 1 Отравленная любовь	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	39
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Часть 2 Белая птица	47
Глава 1	47
Глава 2	51
Глава 3	53
Глава 4	55
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том четвёртый. На крыльях смерти

РоссиИ посвящается

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленной Аляски.
С. Марков. «Предки»*

Часть 1 Отравленная любовь

Глава 1

Надвигалась ночь. Солнце садилось за горизонт, затянутый полчищем туч, и будто тонуло в адовой топи. Где-то у реки звучали грустные переборы кавакиньо¹, в которые вплетались тоскливые ноты беримбау².

– Ваша светлость, сеньор де Аргуэлло, люди Сан-Ардо никогда не забудут, что вы сделали для них.

– А я, как Иисус, смог допустить это, – капитан устало посмотрел на сидевшего перед ним Лопеса и язвительно улыбнулся.

– Вы крепко самолюбивы, – покачал головой трактирщик и заботливо подлил капитану душистого вина.

– Есть такой грех... – дон надкусил яблоко.

– Как говорится, – Лопес осекся, понимая, что в своей хмельной откровенности идет на краю дозволенного, но под требовательным взглядом офицера продолжил: – Как говорится в народе: каков корень – такой и плод. Батюшка ваш тоже, точно неприступный бастион... Не случайно же его кличут не только Святым, но и Железным Доном...

Луис усмехнулся: трактирщик был прав, только он, конечно, трусил и оттого не сказал крепче.

– Да... Эти скоты успели много здесь наломать дров, – капитан выпустил в потолок облачко дыма и задумчиво поглядел на мерцающий кончик сигары.

Трактирщик согласно затряс головой, болезненно придерживаясь рукой за изуродованную щеку.

– Это не жизнь, сеньор, а горящая земля под ногами... Но что нам делать, ваша светлость? Разве овца способна спорить с волком?

– Встать! Прежде всего встать с колен и драться, если в дом лезет зверь. Ведь ты здесь не один, Лопес...

Наступило молчание. Трактирщик пару раз вздохнул и с недоверием к тому, что жить можно как-то иначе, по-смотрел из-под бровей на капитана – человека, спасшего жизнь их пуэбло. Он долго и внимательно, точно хотел понять скрытый секрет, разглядывал его руки, лицо, шпагу... Затем шепнул сдавленным голосом:

– Я понимаю вас, сеньор де Аргуэлло, в жизни наступает момент, когда пропадает страх, но...

– Что «но»?

– Зверь зверю рознь... – Лопес перекрестился и потупил глаза. – Простите, ваша светлость, но моя таверна не церковь для исповедей.

– Ну вот что... – дон Луис пристально посмотрел на трактирщика, и того передернуло от горячего взгляда черных, что кофе, глаз. – Он был здесь?

– Нет, нет, – втягивая голову в плечи, совсем тихо пролепетал Лопес. – Я даже не знаю, о чем вы говорите, сеньор...

– Зачем врешь? Ты разочаровал меня, старик. Я думал, мы как пальцы на одной руке, сжатые в кулак против зла, а ты...

¹ Кавакиньо – маленькая четырехструнная гитара. (Прим. автора).

² Беримбау – небольшой духовой инструмент из меди. (Прим. автора).

– Прошу вас, дон Луис! – взмолился Лопес. – Не просите от меня так много... Боже мой, за что вы так пытаете меня? И что хотите доказать?

– Только то, что я доказал себе в очередной раз, — Луис грустно усмехнулся и затушил сигару. – У меня нет настоящих союзников и друзей... Ладно, это был всего лишь экзамен для вас всех... И вы его не сдали. Но в следующий раз оценок не будет. Мой эскадрон просто проедет мимо.

– Только не это, только не это, ваша светлость!

Трактирщик мгновенно припал к руке капитана.

– Тогда какого беса вы все молчите?! Я опросил каждого, и каждый словно без языка. Вы должны стать мужчинами, наконец! Женщин из вас, один черт, не получится. Проще всего твердить: ничего не вижу, ничего не слышу, не говорю... Так здесь пропадали люди до прихода бандейры, Анжело? Ты понял меня?

– Может быть, сеньор... может быть... Пощадите, я хочу жить. Это дело правосудия и церкви... У меня ничего нет, кроме впечатлений...

– А убийства в Сан-Лукас, в Санта-Инез, в Пасо-Роб-лес, в Чуаларе, черт возьми, не прибавили тебе впечатлений? Нет, Лопес, это дело и твое и мое, а не только правосудия. Оно верит в случайность этой крови только из-за лени и страха, списывая всё на смуту в стране. Но ты ведь знаешь, старик, что это не так... Что это дело рук...

– Санта-Мария! – трактирщик обхватил голову руками. С его лица начала сбегать краска, оно приобретало восковой сероватый оттенок. Колени мелко задрожали. И он шепотом, в котором звучал предельный ужас, сказал:

– Заклинаю вас ранами Господними! Зачем вы произносите ЕГО имя?

– Что же в сем дурного?

– Как что? Или вы жаждете, чтобы сюда явился его призрак? – Лопес зашептал молитву, когда через порог на веранду шагнул Аракая.

– Что тебе? – Луис вскинул строгие глаза на сержанта.

– Есть дело, команданте! – сбивчиво протараторил Винсенте, склоняясь к уху капитана. – В Сан-Ардо, похоже, нашелся один смельчак, который готов развязать язык...

– Deo gratis!³ Кто он?

– Слепой.

– Боже, гончар Рипозо... – вырвалось из груди трактирщика. – Я так и знал!

Луис нетерпеливо перекинул ногу.

– Слава Христу, что в этой дыре еще не все мужчины стали вязать чулки. Зови же скорей! Где он?

– Сейчас подойдет, ваша милость, – глаза сержанта вдруг заблестели. – Вот... – он положил два кожаных мешочка перед капитаном.

– Что это?

– Грабленное добро, ваша светлость, найденное в поясах мародеров.

Луис без особого интереса расшнуровал один: он был полон явно краденными безделушками из серебра и золота, причем у большинства из них рубины и сапфиры покрупнее были выдраны «с мясом», впрочем, как и коронки, выломанные у жертв вместе с костью.

– Хорошо, оставьте, сержант. Разберусь. Всё?

Вместо ответа Винсенте лукаво улыбнулся:

– Вас просят на выход, сеньор.

– Кто?

– Та самая пташка, команданте, голос у которой, как ручей озера Буэна Виста.

³ Deo gratis! – Благодарение Богу! (лат.).

«Черт, опять она со своей любовью, ведьма... От такой скорее повесишься», – подумал Луис, нехотя поднялся и вышел.

Глава 2

Оставшись вдвоем с лавочником, Винсенте не замедлил бросить себе в желудок жареного цыпленка, выпить кружку вина и разжиться сигарой.

– Это тебе чаевые, амиго,– прихватывая со стола пару яблок, скупо звякнул монетой довольный сержант.

– Всего два сенса? – Лопес возмущенно приподнял брови.

– Перестань орать как мышь, рожающая ежа,– сержант грозно надулся.

– Помилуйте, уважаемый! Но какие же это чаевые?

– А ты, дурак, всё разом-то не трать! Ну-ну! Не таращь на меня свои наглые глаза, плут... Ты и так с любого сможешь снять сапоги на ходу... Радуйся, что остался жив... Ты вообще должен по гроб жизни бесплатно кормить королевских драгун, так-то! Мы в вашей деревне потеряли семь человек!

В это время на веранде слышался голос капитана; сержант, погрозив кулаком хромоногому Лопесу, поспешил навстречу своему командиру.

* * *

– Калифорния... – слепой Рипозо растянул спаленные солнцем губы.– Ставлю свой гончарный станок против твоего коня под седлом, капитан... Это край духов и убийц,– он провёл иссушенной глиной и водой ладонью по морщинистому лбу, поправляя черную повязку на глазах.– Что, разве не так?

Голос старика резанул слух. Он напоминал глухие удары бубна, в который бросили горсть речной гальки.

– Да, трупов хватает,– кивнул Луис и брезгливо поморщился, когда индеец вновь улыбнулся, на ощупь похлопав его по щеке, как умную собаку.

– Вот-вот, сынок. Целые лиги савана для гробов, вот метка этих гор. Уж мне-то ты можешь верить. Жутью здесь веет... и слугами Омолу⁴.– Он помолчал, будто прислушиваясь к голосу предков, а затем продолжил, развалившись на стуле: – Это теперь я, распухший от пива и тулапая⁵, никому не нужный бродяга, а раньше...

– Эй-эй,– запротестовал Луис.– Давай не будем ворошить старое. Знаешь, если б я был на двадцать лет моложе, то с удовольствием слушал бы твои истории... Я и так верю, что раньше ты был лихой воин, имел много жен и делал лучшие в округе горшки.

– Не в округе, а на всем побережье, сынок,– поднимая палец, многозначительно поправил слепой.– Ладно, я понял тебя... Ты хочешь услышать от меня о Васеро... я прав? Знаю, знаю, что прав... но ты уже, похоже, убедился, что в Сан-Ардо найти болтливого дурака не так уж и просто. Тем более из индейцев. Ты только не торопи меня, белый,– слепой обнажил остатки зубов, пытаясь изобразить добродушную улыбку.– Это до гринго⁶ туго доходит, о чем речь. До гринго, но не до индейца.

– Верно, папаша, верно. Но ты, похоже, уже собирался поведать мне свою историю о... Васеро.

– Кое-что о нем,– вновь поправил краснокожий.—Хотя, конечно, история эта длинная, как хвост Пернатого Змея. Я расскажу тебе всё без утайки, но на своих условиях, согласен?

– Что он сказал? – де Аргуэлло, теряясь от наглости бродяги, посмотрел на сержанта.

– Послышалось, команданте, такое не говорят.

⁴ Омолу – бог оспы, чумы и других болезней (индейск.).

⁵ Тулапай – разновидность мексиканского самогона.

⁶ Гринго – прозвище янки у мексиканцев.

– Нет, нет, белый. Уши тебя не обманывают... Но если тебе не нравится, я могу встать и уйти...

– Черт с тобой. Какие условия? Только быстрее!

Индеец самым серьезным образом поправил древнюю шляпу на голове, что-то шепнул своему талисману, висевшему на темной морщинистой груди, и спокойно продолжил:

– Ты купишь мне пива и табаку, сколько я захочу, немного тортильи, мяса и дашь несколько песо⁷, чтобы слепой Рипозо продержался на плаву какое-то время.

Луис с минутным колебанием расстался с десятью песо.

Ушлый старик, попробовав каждую монету на клык, сунул их в кошель за поясом и крикнул:

– Лопес, черного пива! Разве ты найдешь, хромоногий, лучший бычий пузырь, – он похлопал себя по голому грязному животу, – чтобы перелить столь драгоценную влагу? А ты не смочишь глотку со мной, сынок? – краснокожий тряхнул длинными седыми космами. Черная повязка усталилась на Луиса.

– Нет, Рипозо, – капитан нетерпеливо посмотрел на слепого, потом на притихшего рядом сержанта. Винсенте хмурился. Его приводила в бешенство наглость краснокожего. Если б не терпеливость команданте, которая путала все карты, он бы дано уже выпнул под зад это вонючее пугало. Испанское имя – Рипозо – вот что, по мнению Аракаи, было единственно стоящим в этом бродяге.

– Так, значит, не пьете? – усмехнулся старик, бисерные и костяные украшения трякнули на его шее. – А я вот никогда, сынок, не отказываюсь ни от еды, ни от питья, так как неизвестно, когда духи улыбнутся мне, и я сумею набить брюхо в следующий раз.

В это время Лопес принес миску с горячими лепешками в топленом масле дендэ, истекающий жиром кусок мяса, немного каруру⁸, перец и две добрых кружки пива, искрящихся пенными шапками.

Краснокожий на миг замер, сморщив лицо, которое приобрело сходство со сжатой в кулак рукой в потертой кожаной перчатке. Но склонился к тарелке, принялся, после чего с довольной ухмылкой навалился на еду.

Луис старался не смотреть на это раздражающее зрелище, предпочитая глядеть на быстро меркнувшее небо. Прикончив последнюю лепешку и запив ее основательно пивом, Рипозо вытер жирные руки о свисающие на грудь пряди волос и сыто рыгнул. Затем совсем как койот облизал губы, сплюнул под ноги и начал:

– Это было четыре зимы назад... Тогда мы рыли шурфы и добывали глину у горы Желтая Женщина – гринго ее называют Пайн. Отвалы на реке Салинас иссякли, и поэтому гончары перебрались туда... Славная там была глина, нежная, без зерна, как кожа молодой бабы... Там мы простояли весь месяц Ягод... Наши повозки были полны, когда появился ОН.

⁷ Песо (пезо) – монетная единица в республиках Южной и Центральной Америки, равнялась 1 руб. 87 1/2 коп. (Время правления в России Александра I). (Прим. автора).

⁸ Каруру – пюре в Латинской Америке из плодов каруру иликиабо с креветками, рыбой, приправленное маслом дендэ и перцем чили. (Прим. автора).

Глава 3

Старик замолчал, вставил черенок самодельной трубки в дыру между пеньками последних зубов и долго курил.

Потребовалась новая кружка пива, прежде чем он соблаговолил продолжить исповедь. При этом он о чем-то вновь шептался со своей священной связкой. Его темные губы беззвучно шевелились, а голова мелко тряслась.

– Это для духа Васего,– напряженно прохрипел он.—Никогда нельзя предугадать: слушает он тебя сейчас или нет. ОН вездесущ, как и быстрый Ошума⁹.

– Эй, дед,– не удержался Аракая.– Хватит пугать нас. Этих историй и у нас целый фургон. Ближе к делу! Ты пришел сюда не набивать брюхо и вспоминать молодость. Перед тобой сын губернатора, а не твои вшивые внуки!

Старик встрепенулся, как гриф, и мрачно повернул голову.

– Дай-ка, я погляжу на тебя,– сказал он и внезапно сдернул с лица черную тряпку.

Плечи Винсенте дрогнули, гнойные бельма тарасились на него из-под седых бровей.

– Да ты никак баба, сержант,– проскрипел краснокожий.– Что ты заткнул язык? – Старик вдруг стремительно, словно змея, выбросил свою правую руку и вцепился в сержанта.– Так и есть! – загоготал он.– Ты рыхлая жирная баба, с которой я был бы не прочь провести ночь.

Винсенте едва не брякнулся со стула, вырывая руку. Сердце его застряло в горле, но Рипозо уже потягивал пиво и фыркал руганью.

– Знавал я таких выблядков, как ты, пузырь. Как-то у Рейс-Пик моего приятеля ранили в жопу, и я тогда сам вырезал вот этим ножом свинец,– он хлопнул себя по бедру, где висела на мексиканский манер подвязанная к ноге отточенная наваха.– Так вот, его волосатая задница была просто загляденье по сравнению с твоей рожей!

– Дерьмо! – Винсенте выхватил пистолет.

– Отставить, сержант! – Луис де Аргуэлло бухнул кулаком по столу.– Так мы никогда не докопаемся до ис-тины!

Затем резко повернулся и, глядя прямо в безобразные бельма Рипозо, отрезал:

– Ну вот что, дед, если ты вообразил, что я ходячая добродетель, то ошибся! Не отвлекайся, у меня мало времени! И пиво глотай поменьше, чтобы проклятое зелье не выбило твои мозги!

Капитан замолчал, понимая, что дальнейшие угрозы бессмысленны, а пытки – тем паче, потому как индеец был выходцем из племени юта¹⁰. А этим бестиям даже доставляло удовольствие, когда им дробили в испанском сапоге кости, а спину исполосовывали, точно сыр ножом.

Но старик будто не слышал слов капитана. Он напялил повязку на место и подавился приступом смеха, весьма напоминающего звук, с которым шелушат чешую рыбы. Потом также неожиданно смолк, жадно опустошив очередную кружку, и прохрипел:

– ОН был не один... с ним гарцевало еще десятка два Черных Ангелов. ЕГО не брала ни пуля, ни сталь... Кольчуга и кираса на его груди заговоренные... Вот эта рука пыталась убить Васего,– Рипозо протянул свою левую руку, которую все время держал под столом, и только сейчас Луис и Винсенте узрели, что на ней нет ни единого пальца. Ладонка была круглой, как лопатка для тапиоки¹¹ или бразильской рападуры¹².

⁹ Ошума – дух воды. (Прим. автора).

¹⁰ Юта – одно из воинственных индейских племен плато юго-запада США.

¹¹ Тапиока – маниоковая мука. (Прим. автора).

¹² Рападура – дешевый паточный сахар. (Прим. автора).

– Да-а,– вздохнул старик.– Когда-то Рипозо был левшой, и его рука не знала промаха... А вот эти глаза,– он провел культией по повязке,– видели родные горы. Но видели и ЕГО, и поэтому он ослепил меня, как и других...

– Ну, а что же было дальше?

Сержант, позабыв об обиде, не спускал глаз с рассказчика. Однако индеец молчал, красноречиво уставившись на пустую кружку.

Лопес, взволнованный пересказом уже известной ему истории, поторопился с пивом.

– А дальше... – краснокожий колупнул ногтем свой нос и опустил голову.– Дальше мы растеряли друг друга: кто оступился и разбил себе голову о камень, кто утонул, и пончо сделалось для него саваном, кого загрызли волки или убили индейцы яхи... Не знаю, как я сам остался жив. Наверно, так было угодно Великому Духу... Счет дням был потерян... Я умирал от жажды и завидовал мертвым. Я молил небо, чтобы оно подарило мне встречу с горным львом¹³ или гремучкой, только бы побыстрее уйти в Страну Теней... Шкура моя пересохла на солнце и стала темнее старой седельной кожи, когда каменщик Санчес, возвращаясь из Пасо-Роблес, отогнал от меня грифов. Этих стервятников всегда тянет к трупам, как и тебя, сынок... Ставлю гончарный круг против трехквартового ведра пива, ты приехал в Сан-Ардо не в погоне за головой Анжело.

– Откуда знаешь? – Луис, ошарашенный ответом, чувствовал, как его забирают слова слепого. Прозорливость старика беспокоила и оставляла на душе тяжелый осадок.

– Ну вот, мы и подобрались к сути,– глухо ответил он,– может, я хоть из тебя, Рипозо, сумею, наконец-то, вытряхнуть тайну Васеро. Где я могу найти эту тварь?

– Э-э! Не торопись заседлывать коня, белый. Твоя решимость и голос воина нравятся мне. Ты прям и чист, как стальное лезвие ножа; твой помощник не может похвастаться этим, но ведь я сразу сказал тебе: расскажу лишь то, что знаю...

– Как это понимать? Я дал тебе хорошую цену за твою болтовню!

– А я дам тебе хороший совет, сынок,– индеец поманил пальцем драгуна, и, когда тот придвинулся, шепнул:

– Рубить ЕГО надо только по шее...

– И это всё, что ты мне хотел сказать?

– Это немало. Ты думаешь, Рипозо старый дурак и по-прошайка?

– Старый – да. Попрошайка – возможно, но не дурак.– Индеец благодарно улыбнулся и упрямо повторил: —Только по шее... Запомнил? Повтори. Мне показалось, что ты произнес «да»...

– Да, да! – нервно откликнулся де Аргуэлло, ощущая себя полнейшим глупцом.– Но с чего ты это всё взял? И почему я должен верить бродяге? А может, тебе всё приснилось спяну?

– Слепой не может видеть снов, амиго. И вот почему ты должен мне верить: я мщу за тьму моих глаз. Я люблю эту землю, но мне никогда не суждено больше видеть ее.

¹³ Горный лев – пума, или кугуар (*Felis concolor*).

Глава 4

Тиберия в каком-то судорожном огне обмакнула пальцы в глиняную чашку, полную цветочного меда с перетертыми листьями женипапо¹⁴, и провела ими по его рту, шее, плечам, животу... Потом припала губами к желанной плоти и жадно, со стоном принялась покрывать Луиса горячими поцелуями.

В ее крохотной спальне, куда еще утром пожаловал незадачливый Риос, сейчас крепко стоял запах сигарного дыма, пота и перечной страсти.

– Еще, еще, еще! – она, срываясь на визг, кусала губы, боясь своими криками разбудить дом старого Лопеса.

– Громче, это меня возбуждает! – яростно сбрасывая покрывало на пол, прорычал Луис и нетерпеливо раздвинул ее смуглые бедра. С пульсирующим безумием, зарождающимся где-то в глубине естества, он продолжал настойчиво, уверенно и ритмично наполнять ее собою.

Тиберия бешено извивалась под ним, плакала, хохотала, забрасывала ноги на сырую от пота спину, впиваясь пальцами в его жилистые, перевитые мускулами руки, и заполошно, точно в сладком бреду, шептала:

– Укуси, укуси меня! Сделай мне больно!

И он кусал ее, зарываясь руками в черные пряди, скользил губами и языком по напряженно откинутой шее, вздрагивающей груди и бедрам.

– Не могу, не могу, не могу больше! – раздирая ногтями его лопатки, она в иступлении замотала головой и, вдруг обмякнув всем телом, задрожала.

Минуло полчаса, а быть может, и более, прежде чем руки Тиберии обессиленно соскользнули с покрытой испариной шеи Луиса. Он перевернулся на спину, а она в ленивой истоме сомкнула ноги и натянула прохладную простынь до груди.

– Ведьма, – сдавленным голосом в блаженном забытьи выдохнул капитан, всё еще ощущая горячую пустоту в голове и теле. – А с тобой оказалось весело.

– Ну, и как я тебе год спустя? – тихим грудным голосом поинтересовалась мулатка.

– Лучше, чем думал... – закрывая глаза, произнес он, представляя рядом с собой Терезу.

– Эй, кабальеро? – она нежно укусила его в плечо. – Ты только не спи, слышишь? Разве ты не хочешь еще позабавить меня, дорогой?

Она игриво откинула белую простынь ниже своих стройных бедер. И Луис поневоле не мог оторвать взгляда от манящего тайного места, которое в свете луны, казалось, подмигивало ему, словно греховный глаз.

– Ну, что ж ты молчишь? – в голосе ее послышалась женская ревность. – Ты теперь всегда такой быстрый в постели?

– Нет, – задумчиво усмехнулся он, – если дашь мне сейчас поспать.

– Да что с тобой? – Тиберия взволнованно приподнялась на локте, смутные подозрения кольнули сердце.

– Послушай, что ты хочешь от меня? – Луис, плохо скрывая растущее раздражение, посмотрел ей в глаза.

– Того же, что и ты... – она приоткрыла пухлые губы. – Я тебе еще нравлюсь?

– И так знаешь – что дальше? У меня сейчас нет времени выяснять отношения... Я же говорил тебе. Я должен закончить начатое дело...

– Вот, посмотри, мой злой ягуар, – она склонилась над ним так, что тяжелые груди почти касались сосками его губ. – Здесь тоже есть для тебя дело. Я только ради тебя бросила Навохоуа и шла в Монтерей... Вот почему ты нашел меня в Сан-Ардо. Да, я знаю, нам никогда не быть

¹⁴ Женипапо – лекарственное растение, из которого делают ликер, а колдуны используют в магии. (Прим. автора).

вместе, но, черт в костер, я хотела быть к тебе ближе... А ты ведь в Сан-Ардо приехал по своим делам?

– Да уж не ради тебя, признаюсь.– Луис устало раскурил сигару.– Ну так ведь и ты жила не под замком... Помню, как мы сегодня встретились...

– А что ты хотел? Чтоб я при тебе сразу разделась?

– Вот бы я чудо увидел,– хохотнул Луис.– Ладно, подружка, хватит точить нож. То, что ты валялась в обозах с солдатами, мне и так ясно...

– А что мне оставалось делать? Но только не валялась, а играла в карты. Солдатня щедра на деньги: один черт, не знают – может, завтра убьют... Поэтому я и играла не с одним, а сразу с десятком. Ставила на кон свое тело: кому рот, кому грудь, кому бедра...

– И они?!

– Ни разу не выигрывали, сеньор. Клянусь Мадонной.

– Ну ладно, ладно! – де Аргуэлло махнул рукой.—Тебя не переслушать. Лучше налей вина или алуа¹⁵, я сгораю от жажды.

– Я хочу от тебя ребенка, Луис!– пропуская мимо ушей его просьбу, взмолилась она.– Помоги мне, не пройдет и года, как я смогу подарить тебе маленького ангела. Он будет похож на тебя... такой же красивый и...

– На эту тему даже шутить не вздумай! – капитан раздраженно, обжигая пальцы, затушил сигару об пол.—Так ты нальешь мне вина?

Тиберия, затаив гнев, грациозно соскочила с кровати. Подойдя к столу, где стояла оплетенная виноградной лозой большая бутылка с вином, она обернулась, уверенная, что Луис не мог оторвать глаз от ее крутых бедер, и едва не сорвалась от злости.

Капитан лежал с открытыми глазами, но смотрел не на нее, а в окно, за которым мерцали низкие юные звезды.

¹⁵ Алуа – перебродивший прохладительный напиток, приготовленный из поджаренной рисовой или кукурузной муки, воды, апельсиновых корок и сахара. (Прим. автора).

Глава 5

– Ну куда ты торопишься так? Вино, как любовь, требует уважения и пьется глотками,– она нежно провела пальцами по его животу.– Господи, как я скучала без тебя, истаяла вся в молитвах. Я теперь другая, Луис...

– Где, кстати, твоя мандолина? Сыграла бы, что ли? —драгун передал пустую кружку Тиберии. У него свело скулы от мысли, что мулатка не успокоится, пока не вытянет из него все жилы.

– Нет, теперь не играю,– она отвернулась, чтобы смахнуть набежавшие слезы.– Паук на чердаке давно заткал паутиной серебро моих струн...

Они замолчали. И в наступившей тишине ей вдруг стало одиноко и страшно. Она попыталась усилием воли выпить еще вина, чтобы веселый хмель согрел и озарил ее печаль. И на какой-то миг Тиберии показалось, что сие удалось. Она беззаботно рассмеялась, шутливо покачивая головой и, будто невзначай, отмахнулась,– ровно злая судьба в шутку желала напугать и посмеяться над нею, а она вот раскусила это и теперь смеется сама. Но без эха, без отзвука ронялся и тут же гиб одинокий ее смех... И еще играли усмешкою красивые губы, а в глазах... уже вновь нарастал неумный страх. И вновь повисало тягучее молчание, точно никто и никогда не смеялся здесь.

– Мне холодно, я замерзла,– сказала она и уж несмело прильнула к нему: – Ты спишь?

– Нет,– он вздохнул и повернулся к Тиберии спиной.

– Но где мы увидимся еще? – она затаила дыхание.

– Не знаю.

Тиберия бросила взгляд на сундук со своим тряпьем, на окно и дверь, на тесные стены, обступившие со всех сторон, и ей вдруг показалось, что отовсюду на нее взидало голодное ожидание затаившейся беды. Она с угасающей надеждой обернулась к любимому; тронула его за плечо. Он безучастно лег на спину, совсем чужой и холодный.

– Ну вот что,– слезы душили ее, не давая говорить.—Я так долго прикидывалась душой, что могу понять, когда ты прикидываешься дураком.

– Тиберия!

– Замолчи!

– Нет уж, послушай! – он резко откинул покрывало и сел на кровати.– Знаешь, честно говоря...

– Это кто тут будет говорить честно? – она истерично расхохоталась.– Ты? Я не верю!

– Заткнись, шлюха!

– Это я-то шлюха? Да я ждала тебя год...

– А брат? До меня докатились слухи...

– Ах, вон что, младшего братца вспомнил! А не ты ли всучил меня в его лапы, дрянь?..

– И всё же,– Луис холодно сжал губы, камня лицом.

– Двум богам служить нельзя. Ты и так знаешь,– я выбрала тебя. Да и брат твой мальчишка...

– Ты это только поняла сегодня?

– Вчера,– она снова захохотала сквозь слезы и прижалась к нему: – Когда начинаешь иметь дело с настоящим мужчиной... Неужели не видишь, как я люблю тебя? Ну погрей же меня,– она лягнула зубами скорее от нервной дрожи, чем от озноба, и еще плотнее прижалась к его груди.

Он пристально, в упор посмотрел на ее красивое скуластое лицо с темными, что тропическая ночь, глазами под густыми ресницами, на большой, чувственно очерченный рот и с

раздражением ощутил, как его желудок и чресла вновь стали сливаться и затягиваться в какой-то приятно ноющий узел.

– Ты вернулся ко мне, мой солдат. К своей Тиберии. Расслабься и отдохни.

Черная пена волос ее заскользила по его животу вниз. В какую-то минуту, не видя ее лица, а только разметавшиеся по его груди локоны, он вновь представил Терезу. «При свече все женщины красавицы, а кошки серые...» – вспомнились ему почему-то слова отца, но тут же в памяти всё полетело вверх дном и он почувствовал, что в его мозгу вспенивается какой-то магический котел блаженства и страсти...

* * *

– Тебе было сладко? – Тиберия боролась за любимого, как могла. Она вынула из коробки Луиса сигару и, прикурив, с улыбкой протянула ему. На кончике осталась влага ее губ, и капитан, отдыхая телом, с чувственным удовольствием зажал сигару в зубах.

– Ну скажи, о чем ты всё думаешь? Что-то случилось? Хочешь еще вина?

– Нет, но с тобой мне было действительно сладко.

– Хочешь, я навек останусь с тобой...

– Если что? – он усмехнулся в душе наивности Тиберии.

– Если ты... согласишься...

– Ребенок? И этот довод ты собираешься бросить на весы нашего романа?

– Да! – почти выкрикнула она, интуитивно чувствуя его иронию.

– Ну так вот, уясни, – Луис терял остатки терпения. — Уж не знаю, какое колдовство свело нас вместе в Сан-Ардо. Но знай, что никаким колдовством тебе меня не удержать.

– Когда собираешься уезжать? – Тиберия уткнулась лицом в подушку.

– Завтра. И думаю, что с утра. Все люди за чем-то гонятся. Это и есть наша жизнь... Иначе было бы скучно.

– Может быть, – она злобно взглянула на его отрешенное лицо, на усы, которые так любила, и с отвращением передернула плечами: – Стало быть, ты тоже... решил поиграть со смертью?

– Видишь ли, – Луис холодным и странно спокойным жестом воздел руки и сжал пальцами виски. – Моя жизнь кончена... Мне осталось только мстить. Я солдат своей любви.

– Любви? – глаза Тиберии вспыхнули.

– Да. Я люблю другую.

– Не может быть!

– Со мною может быть всё.

– Тогда зачем? Зачем надо было приезжать сюда? — губы ее дрожали.

– Да уж не ради тебя... Я уже говорил. Хотя, впрочем, в ином разе я не смог бы сказать тебе об этом.

Глава 6

Симон отер пот с лица и воровато покосился на дель Оро. Метис сидел возле лошадей и не спеша пересчитывал пули.

– Ну как, Сыч,– ротмистр невесело усмехнулся.—Хватит тебе свинца, если нам вновь посчастливится встретиться с инсургентами?

– Айе,– оскалился полукровка.– На тебя хватит. Смотри, не смей играть со мной, могу и передумать. За скальп твой много не дадут, но если содрать с тебя шкуру... думаю, можно будет разжиться двумя-тремя реалами. Это всё-таки лучше, чем ничего.

– Может, ты, наконец, перестанешь валять дурака и вернешь мне оружие? Места глухие, приятель...

– Заглохни! – Сыч оторвал прилипшую к телу рубаху и принялся чистить ружье.

– Ну ты и крыса,– Симон был натянут как струна, но голос его оставался твердым.– Я же спас тебе жизнь!

– Вот поэтому я не связал тебе руки, амиго. А следовало бы...

– Дерьмо! – драгун в бессилии плюнул в сторону метиса.

– Возможно и так, служивый, но жизнь меня с детства учила ловить там, где клюет.

Закончив возиться с кремневкой, Рамон легко поднялся и сделал знак своему пленнику:

– Пошевеливайся, нам пора.

– Торопись в Монтерей выручить деньги?– Бернардино надел хвостатую каску и встал.– Представляю, сколько девок и вина ты купишь...

На эти слова дель Оро клюнул, как форель на мушку:

– Да уж немало. Если не будешь дураком, и тебе перепадет, амиго. У тебя-то между ног тоже, поди, не всё отсохло? – Рамон насторожился и подозрительно посмотрел на Бернардино, ожидая ответа.

– Что касается меня,– Симон взял под уздцы своего скакуна.– Я могу только надеяться на встречу с отрядом королевской кавалерии.

С внезапной жестокостью Сыч хватил драгуна по лицу. Симон рухнул в траву, а полукровка дважды пнул его са-погом.

Вытирая кровь с разбитого рта, офицер поднялся.

– Не зли меня! – прохрипел метис и, повторяя при-слолье капитана Луиса де Аргуэлло, погрозил пистолетом: —Помни, что шучу здесь только я!

– Спасибо, друг,– потрясывая головой, пробормотал Симон и сплюнул под ноги черный сгусток крови вместе с осколком зуба.– Ты очень вежлив.

– Едем! – скомандовал Сыч, точно рысь вскакивая в седло.

Кони тронулись, и Бернардино, проклиная себя в душе, послушно, как нитка за иглой, двинулся следом.

* * *

До восхода солнца было еще далеко, но духота стояла страшная. Они то и дело утирались шейными платками, отмахивались от остервеневшего гнуса и напряженно прислушивались. Проехав с полчаса, путники выбрались на узкую лесную пикаду. В глухом сумеречье чащобы слышались одинокие крики птиц.

Лес был мрачен в своей бесконечности. Перевитый лианами, пышными росистыми глициниями, ползучими желтыми и фиолетовыми розами, он, казалось, таил великую вечность. Ни один старатель, поднявший на нее свою кощунственную руку и отправившийся на поиски затерянных стран, поплатился за сие и уже никогда не вернулся к людям. «Эльдорадо, Белая

Саванна, Вилла Рица, Золотая река¹⁶, – мелькало в сознании Симона. – Кто нынче доподлинно может поведать, что из того правда, а что вранье?»

Нервы начинали звенеть, когда шелест леса, походивший на шум далекого водопада, вдруг оглашался рыком хищника или зловещим хохотом неведомой твари.

Внезапно дель Оро придержал коня и щелкнул затвором. Ноздри его трепетали, и он как зверь принюхивался. Беспокойство овладело и Бернардино, мускулы враз окаменели. Оба напрягли все чувства, пытаясь разобраться в незнакомых запахах. Однако драгун не обладал остротой обоняния, свойственной метису, и мог уловить лишь смутные дуновения. Дыхание Рамона участилось, тревога сильнее жала сердце.

– Что там? – Симон скрипнул зубами, ощущая себя без оружия в полной власти Фатума. Кони, по брюхо утопающие в разлапистом папоротнике, срубая копытами сочные толстые стебли, шарахнулись в сторону.

– Это запах дьявола! – по скуластому лицу волонтера бежал пот.

Они застыли в седлах, потрясенные до глубины души. Сумрак листвы сразу стал угрожающим.

– Дай оружие, – ротмистр раздраженно протянул руку.

– Убери свою лапу, пока я не сломал ее! – рассвирепел дель Оро и направил ствол карабина в живот офицера.

– Дурак, мы же погибнем оба...

– Во всяком случае, не я один... – обрубил тот и вновь глубоко втянул ноздрями предрассветный воздух. – Он уходит. Скоро восход. – Рамон соскочил с храпящего жеребца и лег, прижав ухо к земле.

На угрюмом лице мелькнула тень облегчения. Ему сразу стали явственно слышны всевозможные лесные звуки, и среди них Сыч лишь с трудом различил удаляющиеся шаги. Вскоре они замерли в чаще. Весь сырой от росы, не расставаясь с ружьем и индейской священной связкой, Рамон поставил ногу в кожаное стремя:

– Трогай. До Монтерея остался день пути.

¹⁶ Эльдorado, Белая Саванна, Вилла Рица, Золотая река – легендарные, выдуманные золотоискателями места, где якобы существовали огромные залежи драгоценного металла. (Прим. автора).

Глава 7

Луис, разбросав руки, лежал в темноте комнаты и не знал: спит Тиберия или только делает вид. Впрочем, ему было всё равно. Куда больше терзала мысль: «Как там Бернардино? Доставил ли пакет... И как воспримет известие отец...»

Колокол iglesia¹⁷ Сан-Ардо уныло вызванивал время, и капитану начинало казаться, что с каждым глухим ударом звон сей приобретает новую силу над его совестью. В памяти всплывали и таяли человеческие лица, то ярко, во всех морщинах своей судьбы, то смутно выступавшие, словно из темных углов... Они теснили друг друга, неуклюже толкались, разрозненным движением валялись на колени, вздыхали, что-то беззвучно кричали и с неумолимой настойчивостью взирали на него в ожидании милости и правды, будто он был совсем и не капитаном своей жалкой сотни, и даже не губернатором, а самим Мессией.

И у каждого лица: из Монтерея, Навохоа, Сан-Ардо, Куэрнаваки и тысячи других мест,— страдания и горя было столько, что хватило бы не на одну человеческую жизнь... И ему, Луису де Аргуэлло, оглушенному и захлебнувшемуся в этой пучине, чудилось, что будто весь мир принес ему свои слезы и боль и ждет от него протянутой руки помощи. Ждет смиренно, но неотступно. А он, не знающий прежде жалости и сострадания, познавший ее лишь через смерть любимой и теперь ищущий истины, наконец получил ее и... ужаснулся. Истина была без берегов, горькая и отвратная, как полынь, сотканная из мук и разбитых судеб... И он, страдая от сознания немоги что-либо изменить, рыдал вместе с ними, оплакивал свою любовь. Но в какой-то миг он понял, что если сейчас не встанет с колен и не бросится прочь, то поступь людского горя просто раздавит его... И он будто бы бежал на край света, цепляясь за небеса, чтобы не зреть, не слышать, не знать сего ужаса, но падал... И измученное сердце пылало подобно жертв-веннику, заставляя подняться и вернуться... И он брел назад, заключая в объятия тех, кто нуждался в нем, кто не мог в одиночку бороться со ЗЛОМ...

— Трудно, больно, тяжело нам... — неслись голоса теней, и он, вскидывая руки, иступленно кричал:

— Трудно?! Конечно трудно! Больно и тяжело всему миру! Нет ни одного месяца, дня и часа на земле, чтобы люди не убивали друг друга! Так устроен мир!

— А разве в Сельве другая жизнь?

— Чем мы, христиане, тогда отличаемся от зверей? — кричали с другой стороны.

И он терзался в ответах, вопрошая у неба. Инстинкт заученно твердил одно: «Аморальным может быть только неудача, проигрыш, поражение».

— Но что тогда такое мораль? — вопрошал внутренний голос.

— Я служу королю и Испании! — рвал грудь его крик.

Но молчало людское море, не оставляя надежды, не этого ждало оно ответа... И каялся он, вспоминая Вечную Книгу, голос которой подсказывал нужные слова...

Он вдруг задумался о Тиберии, и ему стало жаль ее... Луис попытался отыскать ее взглядом среди надвигающихся серых рядов лиц, но тщетно...

— Тиберия-я!

* * *

Луис проснулся в темноте. Голова гудела от тягостного сна, желудок тянула чрезмерная порция вина. Прохлада ночи отчасти успокоила его, охлаждая лихорадку недавнего кошмара.

Он сразу почувствовал, что Тиберия не лежит рядом и, подняв голову, приметил ее фигуру на фоне окна. Обнаженная, она стояла в квадрате лунного света, играя маслянистыми

¹⁷ Iglesia – церковь (исп.).

бликами на шоколадных плечах. Он беспокойно посмотрел на нее, и события вечера и ослепительно-пестрого кошмара с трудом прокрутились в голове...

Нащупав коробку с сигарами, он запалил спичку. Сделав пару затяжек, протер глаза и хрипло спросил:

– Почему не спишь? Эй, что там?

Тиберия не откликнулась, не отошла от окна, оставаясь неподвижной. Она напоминала ему черную прислушивающуюся статую. Луис скользнул взглядом вдоль грациозного изгиба спины мулатки, задержал его на тугих овалах ее ягодиц и плавной линии бедер. Он ласкал это тело всего пару часов назад; покрывало было еще скомкано внизу кровати, и в комнате еще витал пряный запах страсти. Капитан ощутил, как опять просыпается в нем желание, и сел на кровать, поправляя рукой волосы.

– Ты долго еще собираешься там стоять? – он повысил голос.

Она медленно повернулась, и он увидел смятенный взор.

– Я слышала звук рога, – прошептала она. – Там, за рекой...

– Охотники в этот час? Брось, тебе показалось.

– Нет, – голос мулатки заметно дрожал. – Я слышала ЕГО.

Капитан выбрался из постели и встал рядом с Тиберией, чувствуя себя как-то глупо. В черной сини ночи и он разглядел вороватый месяц, который прятался за тучами, как краснокожий за лошадьми, и более ничего.

– Ну? – сказал он через минуту, обнимая ее за плечи. – Я что-то ничего не слышу.

– Подними своих солдат...

– Зачем? Пусть отдыхают... Достаточно караула.

– Это был не простой рог. – Она набожно перекрестилась. – Такой же... я слышала в Навохоуа... Это ЕГО голос... Поднимай солдат!

– Ну вот что, я устал от твоей дури. Если уж ты что-то возьмешь в голову, то ничем не выбьешь.

– Вот, вот... опять! – она прижалась к нему, и Луис почувствовал, как от страха загусилась кожа на ее спине.

Он придвинулся ближе к стеклу, стараясь разглядеть патио, но в душной темноте лишь покачивались ветви деревьев.

– С чего ты взяла, что там кто-то есть? Я ничего не слышу... Пойдем, ляжем.

И он уже собрался силой отвести Тиберию от окна, когда насторожился. Сначала ему показалось, что это лишь пронзительные завывания ветра, летящего с гор, но потом звук стал выше по тону и более мощный. Пальцы беглянки сжали его руку. Трубный звук, напоминающий жуткий вой – протяжный, неистовый и леденящий, – стих.

– Роковой знак, – прошептала Тиберия и снова перекрестилась. – Бог в небесах, Бог на земле! – «Per omnia secula seculorum»¹⁸, – вспомнились слова падре Игнасио.

Она бросила взгляд на Луиса – капитан судорожно на-девал мундир.

¹⁸ Per omnia secula seculorum – во веки веков (лат.).

Глава 8

Весь остаток ночи они провели с оружием в руках. Вместе с драгунами Луиса ружья держали мужчины Сан-Ардо. Нынче у каждого была одна судьба. Тень нависла над всеми: и либо выстоять, либо сгинуть.

Когда начало светать, люди встряхнулись душой. Ночь пугала сильнее.

– Пусть хоть на одной ноге, да всё же выстояли! — слышались разговоры среди ополченцев.

– Верно, католики! Только так, братья! — пафосно восклицал сержант Аракая, сам холодея душой. — Всё невечно, и всё когда-нибудь прахом пойдет. Но Сан-Ардо покуда жив, хотя, если угодно Христу, то падет и ваше пуэбло... Завалит враг трупем улицы вровень со стенами... Ну, так что ж... уйдем в Сан-Хосе или в Монтерей... Главное, духом не пасть, а народ сбережет о героях память.

– Ладно уж, не до памяти... — хмуро отозвался шорник, сидевший рядом с Винсенте. Жадная проседь серебрила его густые черные волосы. Тяжелые венозные руки сжимали дедовский клавин¹⁹. — Лишь бы скорее... хоть как бы это кончалось. Какой из меня воин, сержант?

– Да ты ж своим кулаком быка свалишь, Фальсо! — возразил толстяк, но шорник только сплюнул:

– Я и думать-то о сраженьях боюсь. А уж как кровь проливать чью-то — хуже нет...

Фальсо мучительно вздохнул и посмотрел из-за плетня: река, как обычно, спокойно несла свои тяжелые воды.

– Ох и длинный же нынче день, а ведь только начался, собака... Ты бы спросил, сержант, у сеньора: долго нам так цепенеть в ожиданье? Дела ведь есть в доме.

– У нас, солдат, говорят: если в башке нет, то из зад-ницы не достанешь! — глаза Винсенте тлели презрением. — Видишь вон тех птиц?

– Грифов, что ли? — насторожился шорник.

Сержант утвердительно кивнул головой:

– А что они, по-твоему, желают, брат?

– Да ничего, — неуверенно пожал плечами Фальсо. — Сидят на ветвях и ждут.

– Вот и нам стоит ждать. А ты: «спроси капитана».

* * *

Так за разговорами, за томительным ожиданием наступил рассвет. Небесное светило вошло над черным хребтом Дьябло, украсив небо розовым оперением нарождающегося дня. Щупальца белого тумана стлались над лугами, словно пытались прилипнуть к камням и травам... Когда солнце вошло в зенит, плеснул звоном колокол, и все, кроме часовых, отправились на обед.

Дон Луис стоял перед зеркалом и тщательно осматривал свой мундир. Выстиранный и отутюженный Тиберией, он смотрелся свежо, почти как новый. Специальной барсучьей щетинкой Луис прошелся по своим усам и, оставшись довольным, стал подпоясываться ремнем...

– Ваша светлость, — за дверями треснул сухой голос Лопеса. — Извольте спускаться, стол накрыт.

– Иду! — капитан, сидя на стуле, надевал начищенные индейцем-слугой сапоги. С первого этажа доносилось то мирное позвякивание посуды, то торопливая возня прислуги, то аппетитные запахи жареной оленины и шиншима²⁰, от которых во рту сразу появлялась слюна.

¹⁹ Клавин — короткое ружье с кремневым замком, употреблявшееся в XVIII веке.

²⁰ Шиншим — жаркое из кукурузы, гуся или утки с тертым луком и чесноком; в него добавляются масло дендэ, сушеные креветки и размолотый миндаль, либо зернышки тыквы или арбуза. (Прим. автора).

* * *

– Значит, уезжаешь? – Тиберия вышла из кухни с кувшином вина. Ее темные кудри были стянуты бисерным шнурком на затылке в пышный хвост. Одета она была в белый просторный хубон и длинную коричневую юбку.

– Да,– Луис торопливо кивнул головой, проглатывая непрожеванный кусок мяса.– Извини, что покидаю тебя, но жизнь движется быстро... я едва успеваю за ней. Думаю, придет день, когда я всё же обгону ее, и тогда...

– Тогда уже будет поздно... – Тиберия нервно поставила перед ним вино.– Нет больше горя, чем разлука с живыми... Мы больше не увидимся, Луис, я не переживу...

– В тебе говорят только эмоции. Успокойся, Тиберия. Садись к столу.– Он дружелюбно выдвинул стул.– Ты только попробуй абара²¹ или канжику²². У Лопеса просто волшебные руки.

– Позволь мне остаться так.

Тиберия гордо откинула голову, глаза ее были полны слез. Руки плотно скрещены на груди, словно ей было холодно.

– Я вижу, ты не из слабых,– капитан задумчиво наполнил вином свою кружку.– Поэтому хочу попросить тебя об одной услуге.

Тиберия горько усмехнулась, ирония тронула губы.

– Прошу, не дури. И не пытайся что-нибудь предпринимать... Ты поняла меня?

Тиберия не ответила. Луису даже показалось, что она вообще не обращает на него внимания,– глаза ее были сосредоточены на кружке, которая стояла перед ним.

– Хочешь выпить? Эй, подруга, что с тобой?

Тиберия моргнула, подняла глаза и посмотрела на него, будто только сейчас заметила, что он сидит за столом.

Капитан подозрительно посмотрел на нее. Любовница продолжала неподвижно стоять в своем длинном хубоне с низким вырезом, в коем хорошо были видны плавные округлости ее смуглых грудей.

– Эй, довольно дуться на меня,– он взялся за кружку.– Я солдат, Тиберия,– человек дороги... но, заметь, верующий в чудеса... Кто знает,– он усмехнулся.– Словом, за тебя!

– Остановись! – лицо ее вдруг исказила боль, ноздри трепетали.

Луис с досадой отставил кружку, и в это же время на веранду, грохоча каблуками и палашиом, ввалился сержант Аракая.

– Команданте! Там, там!.. У дальней заставы... – панически заорал он. В выпученных глазах Винсенте читалось потрясение.– Убит шорник Фальсо! Кожа на лице,–сержант коснулся дрожащими толстыми пальцами своих непробитых щек,– точно сгладана... до кости.

²¹ Абара – блюдо из вареной фасоли, приправленное перцем и маслом дендэ.

²² Канжика – каша из кукурузной муки (мекс.).

Глава 9

Сержант был настолько возбужден и испуган, что капитан поневоле первым делом протянул ему кружку. Винсенте с благодарностью ухватился за нее и в три глотка опустошил содержимое.

– Сеньор капитан! – облизываясь, прохрипел Аракая. – Я всё понимаю, но солдаты... мы даже не обсудили условия боя...

– В этих местах уже давно дерутся без всяких условий. Ты удивляешь меня, сержант. Другие времена настали... другие.

– Я понял... Что прикажете? – утирая лицо, уже более спокойно сказал Винсенте. Вдруг глаза его закатились, а сам он, задыхаясь, вцепился себе в горло и свалился между столов.

Луис бросился к нему и приподнял голову:

– Почему, команданте? – синеющими губами прошептал Аракая. Ноги дернулись, сбивая стул, и затихли.

– Боже Всемогущий! – пелена неведения лопнула в голове Луиса, как волдырь. – Это ты?! Ты сделала это?

Он медленно поднялся и двинулся на Тиберию.

– Да, это я! Я! Насыпала яду в вино... Я любила тебя больше жизни, а ты... ты предал меня! Ты отдал сердце другой!

– Замолчи! Как смеешь? Что ты вообще знаешь о нашей любви? Я... Тереза... – де Аргуэлло едва сдержал крик. – Она мертва... и я только ищу убийцу!

– Мертва? – Тиберия провела пальцами по открытому рту и вдруг, как прежде в постели, истерично расхохоталась. – У меня чувство... я знаю... – она безумными глазами посмотрела на Луиса и вздрогнула. – Над нами всеми повисло жуткое проклятье. И если бы в твоих жилах, испанец, текла кровь моего черного народа, ты бы почуял ЕГО запах... Посмотри на себя! У тебя уже и сейчас такой вид, будто ОН схватил тебя за горло... Мы все умрем, слышишь? ОН близко. Вот я гляжу на тебя и боюсь... Твои глаза! О, они блестят – не терпится в сечу?.. Но куда несет тебя? Думаешь, ты герой? Ты – пешка в этой игре. К тому же не на своем месте.

В груди ее вдруг сделалось горячо и захотелось какого-то дикого безумного шума и света, крика, который взлетел бы выше небес. Но вместо этого, вздрогнув с пьяно-безумным ожиданием сверхъестественного, Тиберия замолчала, испугавшись своих слов... И жалкая улыбка, молящая о прощении, раздвинула ее искусанные в страданиях губы. И она, беспомощно закрыв лицо руками, упала на стойку, пугаясь его немного лица, пугаясь своих рук и мыслей.

– Тебя убьют! И меня, и его! – она кольнула пальцем в сторону ничего не понимающего Лопеса.

– Иисус с Пресвятой Девой Марией! – старик крестился, а другой рукой держался за сердце.

Луис, сжав губы, достал из-за пояса пистолет. Взгляд его долго мерил Тиберию, затем труп лежащего Винсенте, предотвратившего его смерть. Половицы захрустели. Капитан сделал еще два шага, но знакомая дума, тяжелая и неподъемная, придавила его решимость и ярость.

На какой-то миг он вспомнил глаза людей, приходивших к нему во снах, их слезы и боль, их стоны, рвущие душу... И, вспомнив всё это, его внезапно прожгла мысль: «Господи, да ведь мне доверяют ту истину, которую дано знать лишь Небу!»

Он сделал еще шаг, и скомканное сырое лицо мулатки вдруг сделалось каким-то особенно ярким, точно жемчужная луна на ночном небе. Плечи ее тряслись от рыданий, рядом что-то кричал хромоногий Лопес, суетились перепуганные слуги, нелепо задирали ножки опрокинутые стулья, но капитан ничего не слышал и не видел кроме нее.

– Это правда? Истину ты говоришь? – Луис кричал, заглушая ответ. Глаза его тоже искрились от слез и, точно омытые святой водой, они взирали на Тиберию изумленно, совсем по-иному, чем прежде. Он не мог объяснить, не мог понять, что происходит с ним, но ощущал в себе новое чувство, странное, неведомое доселе сострадание. Капитан видел эти распухшие от слез красные веки, эти дрожащие искусанные губы, но нет, не от страха, а от любви к нему, и было в этом что-то особенное, в чем читалась какая-то сложная, но одновременно ясная правда о Боге и жизни... И тут отчетливо и выпукло он вдруг понял глазами и слухом и всю истерзанной душой, что кроме его горя, не знающего берегов, есть и другая жизнь и другая судьба, со своей болью и своим океаном мук.

Луис неожиданно представил дальнейшую судьбу Тиберии... Еще лет семь вокруг нее будут крутиться охотники до ее молодости, дарить поцелуи и ласки, резать друг друга в тавернах и клясться в вечной любви при луне... Но вот пройдут счастливые дни, в волосах зарыбит седина, глаза потускнеют и ее похоть даже даром никто не удовлетворит... И, быть может, однажды крестьяне, идущие с работы, найдут ее труп за воротами, отпугнут воронье и, зарывая яму, заклеят презреньем.

– Так, может, лучше сейчас, Тиберия? Пока тебе девятнадцать? – он поднял пистолет на уровень ее глаз.—Пока своей красотой ты бесишь богатых сеньорит и открываешь кошельки заезжих фатов? Зачем ждать, когда в тридцать у тебя провалится нос и даже горбун обойдет тебя стороной?

Вытянув перед собой руку с пистолетом, он с высоты своего роста впивался в Тиберию глазами и сурово молчал. И бледное лицо его с жесткими штрихами усов показалось ей необычайно жутким и прекрасным одновременно, так, что руки, сложенные на груди, схватились холодом.

– Ну, что ты раздуваешь ноздри? – капитан сделал по-последний шаг.— Боюсь, у нас не осталось другого выбора...

Тиберия помертвела от страха, отпрянула. Хотела что-то сказать, но ужас парализовал ее... как перед всадником Апокалипсиса²³.

Луис щелкнул курком. Тиберия ахнула и закрыла глаза.

– У самой красивой розы самые длинные шипы,— услышала она над своим ухом. Луис не дал ей ответить.

Обдав Тиберию табачным духом, капитан припал к полуприкрытому рту. Секунду спустя он оттолкнул ее прочь и плюнул в лицо.

– Что же, дыши. Я не убью тебя... хотя мой братец сделал бы это, прости, из удовольствия... Иди и живи, если после этого,— Луис указал пистолетом на труп сержанта,—тебя не загрызет совесть и не постигнет Гром Небесный. Иди и живи.

²³ Апокалипсис – книга Откровения, приписываемая Иоанну Богослову.

Глава 10

Тусклый красноватый рассвет едва пробивался сквозь дымные влажные испарения тумана, ложился на сырую глинистую почву, скользил по развесистым корням и ветвям ближних кустарников и деревьев. За ними плотной, непроницаемой стеной клубился сумрак, загадочный и бездонный.

– Я думаю, тебе нечего жаловаться, Симон? Путешествие со мной было приятным? – Сыч лукаво зыркнул на него и захохотал.

– Скажем, сносным, – ротмистр постарался скрыть свои чувства. – Когда мы увидим Монтерей?

– Сегодня к полудню. А ты не потерял пакет? — дель Оро протянул руки к костру. – Смотри, в нем твоя жизнь. Ну разве не смешно, амиго?

– Да, – закуривая сигару, ответил ротмистр. – Не смешно.

Проводник с подозрением уставился на Бернардино.

– Что ты так смотришь на меня, Сыч? Я должен радоваться? Но мне что-то не весело... Знаешь, я заметил...

– Много замечаешь! – оборвал его полукровка и тут же тыкнул драгуна стволом пистолета в живот. Боль ослепила Симона, и он едва не упал в костер, однако стерпел, стиснув зубы, и медленно опустился на поваленное дерево. Метис усмехнулся: – А из тебя мог бы получиться неплохой индеец, белый... Но впредь не смей говорить мне поперек. Ты знаешь, что такое мексиканский галстук? – Рамон высморкался в костер и вытер пальцы о засаленные кожаные штаны. — Это когда болтуну режут глотку... Затем запускают в нее пятерню и вытаскивают язык... И он через порез болтается... вот тут, – полукровка со знанием дела хлопнул себя грязным пальцем в грудь. – Усвоил?

– Ты что же думаешь, Сыч, я настолько влип по твоей милости в дерьмо, что мне осталось только заткнуться? Мы, кажется, уже пришли с тобой к соглашению: мой пакет — твоя дружба. Или ты опять решил перекроить шкуру? Хватит угрожать мне, сам не напугайся.

– А я пугаю? – метис подобросил валежника. Под серым сомбреро, точно два вороньих крыла, качнулись густые длинные пряди волос.

– Только не меня. Одно могу сказать тебе, Сыч. Ты всю жизнь жил по закону ножа... От него и погибнешь.

Дель Оро посмотрел на него в упор. Индейские глаза его тотчас похолодели.

– Ты что же, служивый, думаешь, я растаю от твоих проповедей, как кусок масла? Хватит втирать мне мозги! Тебя ведь, верно, заставляли читать Библию, а? Ну так вот, весь этот кирпич уложится в трех годах моей жизни. – Полукровка с язвительной усмешкой посмотрел на выражение лица своего пленника. Колючие глаза так и шарили по драгуну с головы до пят, точно искали зацепку. — Знаешь, амиго, когда смерть дышит в затылок, делаешь странные вещи. А ты, похоже, игрок со смертью.

– Но не такой азартный, как ты, пикаро²⁴. – По спине ротмистра пробежал холодок. Ему давно не приходилось встречать такого зловещего взгляда.

– Не зли меня, белый, – проводник помолчал, потом вдруг подался вперед, и лицо его в мгновение ока исказилось гримасой испепеляющей ярости. – Тебе же лучше, вонючий пес, если я останусь добрым... Иначе порежу тебя на ремни! И не вздумай наложить на себя руки, Симон. Клянусь матерью, я сдохну следом, чтобы свести с тобой счеты и на том свете. Ну-ка, скажи лучше, ты же был ближе к команданте... Это правда, что сыновья де Аргуэлло не ладят со своим папашей? Поправь, если я в чем ошибся, но мне так говорили.

²⁴ Пикаро – мерзавец, мошенник, плут (исп.).

– Тебе не солгали. Но что это меняет?.. – Симон беспокойно посмотрел на бандита.

– А я думал, драгуны, как ты, умеют скрывать свои чувства, – метис, ковыряя свои черные ногти, с победной ухмылкой глянул на Бернардино. – Ну, а что это меняет... не твое дело, солдат.

– Пусть так. Но что делать, если губернатора не окажется в пресидии?

– Амиго! – Сыч удивленно развел руками и цокнул языком. – Ну разве это первые сложности в твоей жизни? Ты же хочешь жить? Значит, найдешь выход.

Внезапно кони забились на привязи. Оба насторожились, прислушиваясь к звукам, рождавшимся в глубинах леса. За мрачной завесой предрассветного сумрака притаилась незримая опасность. Возникнув неожиданно, она могла разодрать человека когтями, растоптать тысячу ног огромного стада, ужалить смертоносным ядом или пронзить грудь острием копья.

Дель Оро вздрогнул и выпрямился. Чувства его напряглись и обострились до предела. Всем своим звериным существом он ощутил: что-то движется по лесу. Дым от костра и терпкие испарения сырых трав мешали распознать запахи. Стоя плечом к плечу, они долго вглядывались в густую зелень. Ничто не шевелилось, не слышно было ни звука – только однообразный шум листвы да редкий звук падающих с ветвей капель. Ни одного подозрительного запаха не доносилось до их ноздрей. Но оба чувствовали, что опасность существует, и что она близко.

– Отвяжи лошадей! – шепнул Сыч, скакнул в сторону от захиревшего костра и тотчас же исчез из глаз Бернардино.

Миновав кустарник, Рамон пригнулся и тихо двинулся к тому дальнему месту зарослей, где, как ему показалось, слышался щелкающий звук. Незатушенный огонь отчасти помогал ему ориентироваться: слабый рубиновый отблеск очерчивал кусты и указывал верное направление; сам же он оставался невидимым для врагов.

Сыч продвигался медленно, часто замирая, сглатывая слюну, сжимая в руках карабин и пистолет. Глинистая почва разбухла от ливней, и благодаря этому он крался совершенно бесшумно.

Не доходя до зарослей орешника, Рамон остановился и долго выжидал. Щелканье слышалось отчетливее с каждой секундой. Оно напоминало звук тысяч и тысяч маленьких ножниц, лязгающих по всему фронту тянувшегося леса.

Волосы на голове метиса встали дыбом, когда кустарник вдруг ожил, зашевелился, а за ним вздрогнула и ожила трава, точно кто-то незримый настойчиво дергал ее и теребил.

Глава 11

Истошный вопль дель Оро известил Бернардино о случившейся беде. Ротмистр уже был в седле, когда послышался нарастающий шум. Сырой воздух прорвал крик, потом другой. В папоротниках мелькнул полосатый хвост какого-то животного. Затем затрещали ломающиеся ветви... Лошади встали на дыбы, и Симон едва удержался в седле, чтобы не сорваться на землю. А через секунду с горящими от ужаса глазами и вопя во все горло показался и сам Рамон.

– Красная смерть! Спасайся!

Дель Оро, теряя пистолет, не помня себя, вскочил в седло. При этом он взвыл, точно его резали заживо, и что было силы несколько раз ударил себя по ляжке.

У Симона перехватило горло, когда он увидел левую ногу проводника. Голенище сапога изгрызанными лохмотьями свисало с его щиколотки и блестело от крови.

Бернардино обернулся – и обмер. В десяти футах от него, насколько хватало глаз, шевелилась земля. Миллионные полчища муравьев-кочевников, точно красные волны, затопляли весь лес.

– Гони! – крик дель Оро вывел Симона из столбняка. Обезумевшие лошади, казалось, не чувствовали шпор. Они уносили всадников, перемахивая через колодины и заросли, ручьи и затопленные ручьями лагуны.

Ротмистру впервые пришлось столкнуться лицом к лицу с этими тварями. Хотя он не раз слышал в пуэбло от старожилков о «красном потоке смерти». «Двигаются они часами, а то и днями, – делились бывалые зверобой. – Густыми колоннами в несколько лиг шириной... и нет преграды для них: люди, звери и птицы – все уходит от этой чумы, а те, кто не успевал... от них находили лишь дочиста обглоданные кости да медные пуговицы, если такие имелись...»

Лес начал редеть, впереди обозначилась каатинга²⁵, когда Бернардино резко повернул своего скакуна на север. Там был Монтерей, и он решил рискнуть. Карабин дель Оро не заставил себя ждать. И Симону даже подумалось, что он ощутил привкус пороховой гари. Драгун наподдал жеребцу так, что кавалерийские шпоры стали алыми.

Но грянувший следом выстрел, казалось, расколол голову Бернардино надвое.

* * *

Без сознания он, правда, оставался недолго, придя в себя от укусов слепней. Ощущая тошноту, Симон приподнял голову: в двух ярдах от него храпел издыхающий конь, в горячем глазу его отражались застывшие голубые облака.

Бернардино попытался ощупать рукой ссадину на лбу, когда услышал гремящий цокот копыт по кремнистой тропе и лай дель Оро:

– Мордой в землю! Я сказал, мордой в землю!

В следующий момент он увидел над собой перекошенное лицо метиса и сверкающий нож:

– Как же так, Сыч? – истекая кровью, выдавил испанец. – Ты был всегда такой умный... и вот так хочешь сглупить? Ну убей, убей меня!

– И убью! Но сначала сведу тебя с ума болью. Срежу мясо с твоих подошв и лодыжек, а потом заставлю идти в Монтерей.

– Иуда, – волосы и воротник драгуна потемнели от крови. Яркие карие глаза подернулись мутноватой пеленой. – Иуда, – тихо повторили губы.

– Может быть, – полукровка ощерился, хватая Симона за подбородок. – Но без Иуды не было бы Христа. Эй, ты! – метис вдруг изменился в лице. – Эй, какого черта? Не смей подышать, слышишь?

²⁵ Каатинга – зона низкорослых редких деревьев и кустарников.

Рамон исходил на нет в своем отчаянии: тряс несчастного, бил его по лицу, угрожал, призывал всех духов и Небо, но тщетно... Испанец без кровинки в лице лежал, не открывая глаз.

Когда дель Оро припал ухом к его груди, то не услышал биения сердца. Симон Бернардино был мертв. Подбородок его безвольно отвис, черты лица заострились.

Оставшись один на один с трупом, Сыч думал недолго: перво-наперво он срезал ножом все блестящие пуговицы с мундира и засунул их в подсумок: на эти штуки в индейских деревнях можно было выменять провиант или лошадь; кто знает, что уготовит завтрашний день? Затем стянул сапоги – они были сработаны из отличного хрома и тоже имели свою цену. Но когда в руках его оказался пакет, сердце в груди заныло. Он даже не мог прочитать букв, кои бежали по плотной тисненой бумаге. Дель Оро поднял взгляд на тропу, что вела в Монтерей. По краям она была едва обозначена редкими костями, но расстояние соединяло их вдали в непрерывную цепь, утыкающуюся в синюю прохладу гор Санта-Лусия.

«У одного меня с этой бумагой в Монтерее надежды не более, чем у крысы, сидящей в колодце», – мелькнуло в сознании. Он жестоко выругался, теряясь в решении.

Из-за песчаного развала, где горячий ветер трепал зеленые иглы юкки, выпрыгнул бродяга-койот и порыл прочь, будто комок серой пыли.

Сыч ощутил, что внутри его пересохло всё до предела, а желудок от дурных предчувствий оттянуло, ровно туда был брошен свинец. Жмякая по песку, он подошел к трупу лошади Бернардино и отстегнул от седла флягу. Нагретое солнцем пойло мало утолило жажду и, затыкая растрескавшуюся пробку, Рамон почувствовал, будто ему хочется пить больше прежнего. Он вытряхнул содержимое кавалерийской фляги. Там что-то плескалось, и дель Оро, старый пилигрим пустынь, посчитал не лишним прихватить и ее.

Он вновь посмотрел на пакет, толком не зная, что делать с ним, вздохнул и сунул за пазуху так, как если бы то был скорпион или тарантул. В какой-то момент под скошенным лбом мелькнула мысль: а не вернуться ли в Санта-Инез, а то и вообще повернуть на юго-восток – ну, скажем, в Чиуауа, а то и в Сонору; какая разница, где потрошить кошельки?

На минуту Рамон прикрыл глаза, ожидая, пока его перестанет бить нервная дрожь, но она, как назло, не прекращалась. И каждый вздох в этом пекле казался ему глотком красной пыли. Когда дель Оро приоткрыл глаза, то углядел в слепом раскаленном небе кружащие черные точки. Мрачная ухмылка искривила его губы. Уж он-то знал, что эти могильники с лысыми головами и красными ободранными шеями безошибочно выбирают цель.

Одернув серапе, он тяжело поднялся с брюха издохшего коня и, спотыкаясь о раскаленные камни, направился к своему жеребцу.

Одна нога его была уже в стремени, когда лопатки схватились морозом. За спиной слышалось тихое бречанье камней и звенящий хруст песка.

Глава 12

– У нее схватки! Быстрее! Быстрее же! О, слепота человеческая! – комендант Ксавье де Хурадо, совершенно уничтоженный и убитый, что жена его вновь рождает, распекал и без того сбившуюся с ног прислугу. Способный и решительный, знающий свое дело до тонкостей, в вопросах житейских Ксавье терялся, нервничал и, оставшись один на один с ними, начинал метаться, как зверь в клетке.

– Да быстрее же, черт возьми!

Мимо мелькали тазы с кипяченой водой, тончайшие белые простыни, пеленки, взволнованные глаза кормилиц.

– Боже мой, ради Святой Богородицы, возьмите себя в руки, сын мой. Такой торжественный час! – отец Ромеро участливо улыбнулся, подавая руку. – А вы волнуетесь, комендант, будто сами собрались рожать. Это ведь у вас уже одиннадцатый, мой друг?

– Двенадцатый, – с досадой буркнул Ксавье. – Вы же не хуже меня это знаете, падре...

– Ну вот видите, насколько благосклонно к вашему дому Небо. О пресвятая Дева, пошли им благодать и новые удачи на сей достославной ниве!

– Нет уж, увольте, святой отец! Вы не могли попросить у Неба другой благодати? – наливаясь досадой, процедил комендант.

– Или я схожу с ума, или я ничего не понимаю, сын мой... *Nabeant sua fatalibelli*²⁶ – падре был серьезен, как никогда. – Разве вы не рады случившемуся? Испании необходимы новые сыновья...

– Возможно, святой отец. – Ксавье дышал порывисто, яркий румянец жег лицо, виски и лоб. – Но я не хочу, чтоб на плечи моей жены была возложена миссия регулярно пополнять полки его величества.

– Всё в ваших силах, сын мой, и в руках Господа... Простите, но в эти минуты мой долг быть рядом с роженицей, – старик кивнул головой и упругой походкой двинулся по коридору.

– Господин комендант! – за спиной послышалось спешное бряцанье шпор. – Господин комендант!

Де Хурадо повернулся, болезненно морща лоб.

– Коррехидор Малинче просит вас, сеньор, спуститься на конюшенный двор.

– А что случилось, Эстебан? Ты сияешь, как пряжка.

– Мерида ожеребилась, господин комендант. Жеребчик – чистый отец, помните английского племенника, что привозили из Исла-Виста? Уже тянется к вымени, сеньор.

– Болван, идиот, скотина! Вы что, все сговорились? Малинче – несчастный кретин! Разве он не знает, что сейчас рождает моя жена, а не его кобыла?

– Значит, мне передать, что вы не желаете, господин комендант? – Эстебан не смел шелохнуться.

– А ты еще сомневаешься, дубина? – Ксавье едва сдержался, чтоб не огреть по спине тростью бестолкового посыльного.

Эстебан преданно молчал. Он менее всех мог ответить на этот вопрос.

– У вас всё? Дьявол тебя возьми! Совсем охамелись, одичали в этой глуши! Понятия не имеете о светских манерах...

– Никак нет, господин комендант! Их высокопревосходительство изволят требовать вас к себе, как освободитесь.

²⁶ *Nabeant sua fatalibelli* – Всё имеет свою участь (лат.) – поговорка, применяемая к случаям неизбежности судьбы, того или иного явления. (Прим. автора).

– Губернатор де Аргуэлло? Мерзавец! С этого и надо было начинать, а не с твоей жеребой кобылы.

* * *

– Что с вами, Ксавье? – Эль Санто задержал взгляд на появившемся коменданте. – Вам жарко?

– У меня красное лицо? – де Хурадо торопливо посмотрел в зеркало.

– Нет, розовое. Но вы так взволнованы, так возбуждены... Ах да, простите, ваша несравненная опять рождает. Одиннадцатый по счету, Ксавье?

– Двенадцатый, ваша светлость, – маскируя свою раздраженность за наигранной улыбкой, поправил комендант.

– Поздравляю вас, Ксавье. Вы неутомимы. – Дон Хуан подмигнул другу и шутливо погрозил пальцем: – Скоро у нас солдат будет больше, чем у герцога. Надеюсь, ждете сына? Он будет *пес plus ultra*²⁷.

– Да, ваша светлость, – де Хурадо склонил в почтении голову и прошел к столу занять указанное ему место.

– Мир, в котором мы живем, чудовищен...

Дон Хуан замолчал и долго смотрел на своего помощника. В тишине комендант почувствовал, как жжет ему лицо тяжелый, вопрошающий взор, и невольно ответил:

– Но так было всегда, ваша светлость.

– Нет, Ксавье, нет, – губернатор вздохнул и потер лоб. – Впрочем, зачем об этом сейчас... Что будем делать? Посоветуй. Происшествие на Славянке – дело нешуточное. Со дня на день жди русских послов.

– Да, случай из самых неприглядных, но, увы, реальный факт. Убитых русских не воскресить.

– Но ведь это... по сути, начало войны...

– Вы полагаете, нам не удастся их образумить?

– Что ж, за свою жизнь мне приходилось выбивать стулья из-под разной дряни. Выбью и из-под них... Но боюсь... Они всё равно встанут, как кошки на лапы... Да и нам ли нынче тягаться с ними? Русские разбили непобедимых французов! Фердинанд благодаря Александру возвращается из Версаля в Мадрид и, бьюсь об заклад, не одобрит нашей стратегии.

– Но мы же не убивали русских. Это дело рук не наших солдат...

– Бросьте, Ксавье! Так они и поверят нам. Скажите, что еще они сами сделали это...

– Но тогда кто?

– Я бы сам хотел знать, кто! – Эль Санто сверкнул на собеседника глазами.

– А что по этому поводу думает ваш сын? Вы доверяете Сальваресу?

– Сальваресу? А при чем здесь Сальварес? Или Луис?

– Доверяете или нет? – комендант был настойчив.

– Да, – после раздумчивой паузы выдохнул дон Хуан, а сам подумал: «Я никому не доверяю... да, собственно, мы и не говорили об этом с сыном». Губернатор расстегнул серебряные пуговицы камзола, вытянул ноги.

– Странная штука жизнь. Вы не находите, Ксавье? Сколько бы мы себя ни обманывали, будто ставили паруса или гребли к берегу под названием «счастье»... на самом деле Фатум нас тащит невидимым течением к неведомой нам цели.

– Зачем столь обреченно, ваша светлость? Кстати, что, на ваш взгляд, «счастье»? – в голосе коменданта засквозило нетерпение и интерес.

– Счастье? – де Аргуэлло удивленно наморщил лоб. – Пожалуй, это когда тебе не объясняют, что такое счастье... Но мы отклонились от темы, дорогой Ксавье. Ныне наш крест

²⁷ *Nec plus ultra* – самый лучший, непревзойденный (лат.).

– найти правильный выход, не поддаваться эмоциям... Быть может, это провокация, и кому-то выгодно, чтобы Калифорния, а за нею и вся Новая Испания была ввергнута в войну... Ну, скажем, тем же иезуитам... Вы, надеюсь, слышаны, сударь, о новости, что Орден восстановлен?

– Да, но его сиятельство вице-король... разве не есть щит от сей холеры?

– Это отдельный разговор, де Хурадо... не путайте меня, не сейчас.– Эль Санто подавил внутреннее желание по-делиться соображениями о герцоге. Риск был слишком велик. «Вдруг, да всё это происки интриганов, дворцовые сплетни скучающих болтунов?...»

Глава 13

Рамон, хватаясь за пистолет, настороженно повернулся на звук и почувствовал, как язык его плотно подлип к нёбу. Его окружали Черные Ангелы. Лиц было не разобрать, только зеленые кошачьи глаза на черном фоне да широкие рукава мантий, точно крылья летучих мышей.

– Брось оружие, дель Оро, если не хочешь подавиться пулей.

Лицо метиса сделалось серым – призраки пустыни знали его имя. Последняя решимость слетела с лица, и он бросил на землю одно за другим всё оружие, понимая, что стоит ему дать малейший повод, как эти демоны разорвут его на куски.

– Что вы хотите со мной сделать? – Сыч чувствовал, что сходит с ума от страха. Слеза выкатилась и пропала в сухих складках морщин.

– Этот вопрос стоит задать ему, а не мне.

Рука в черном указала направление.

Рамон судорожно крутнул шеей и не удержался от вскрика. За его спиной в нескольких футах на смоляном коне сидел ОН. Белую кость черепа обрамлял черный клубок монашеской рясы, правая рука сжимала мерцающий меч-эспадон.

– Это ты убил падре Игнасио? – немигающие глаза пристально смотрели из глубоких провалов глазниц. В них, как причудилось Рамону, таились глубины веков.

– Нет, – просипел Сыч. Колени его подламывались, а язык распух так, что упирался в зубы.

– Ты лжешь! Зачем? – с укоризной произнес голос.

– Нет! Нет! – глаза полукровки скакали по черным всадникам. – Клянусь Христом распятым, это неправда!

Он упал на колени и, поднимая дрожащие руки к небу, стал призывать в свидетели Господа.

– Не тяни время. У меня его мало. Ты всё равно скажешь правду. И не трепи Имя Божье, которое ты никогда не читал.

– Пить! Пить! – хватаясь за горло, взмолился метис. – У-умоляю, дайте глоток! Мой язык... он распух...

– Прежде чем он задушит тебя, ты можешь проколоть его ножом и напиться своей крови. У тебя же есть нож, будь мужчиной.

Дель Оро дрожал, голова у него шла кругом. Он прижал пальцы к горлу, в красных глазах застыл нескончаемый ужас. Над головой в высоком небе, ему казалось, выли и стонал ветер, точно сонм томящихся в муках погибших от его рук душ.

– За что ты убил драгуна?

– На нас напали... инсургенты... – из горла Сыча вырвался сдавленный всхлип. Пальцы в отчаянье скребли землю, сдирая их в кровь. Потом, схватившись за ворот, он разорвал серапе вместе с рубахой так, что они свисли двумя лохмотьями с бедер. – Вы что же, не верите мне?

– Конечно да, – участливо произнес голос. – У меня есть чувство, которое всегда подсказывает, кто начинает слишком много вилять хвостом... Ты предал своего друга, собачье мясо, и обокрал его... Или хочешь сказать, что это твои сапоги, а он добровольно разбил себе голову?

– Боже, помоги мне! – воскликнул дель Оро, но голос его надломился в глотке и он захрипел: – Боже, по-моги...

– Где пакет? – белую кость черепа раскроила черная щель ухмылки.

– Какой пакет? Я не знаю... Нет, нет! Это мое. Он мне нужен...

– Тебе уже ничего не нужно, – глаза сверкнули зеленым огнем, вертикали зрачков потемнели.

Обезумевший Сыч прижался спиной к горячему камню, с ужасом глядя на приближающуюся смерть.

– Хозяин,– задыхаясь от кашля, проблекотал полукровка, протягивая обшарпанный пакет.– Я умоляю вас! Не убивайте, я буду служить вам по гроб...

Степной Дьявол навис над ним, забирая пакет:

– Умирать надо тише, дель Оро. Ты знаешь, какая страна лежит за теми горами? – черная перчатка с пакетом махнула в сторону северо-востока.

– Знаю, что большая...

– Ты бывал там?

– Нет,– дель Оро с судорожной надеждой сшеркнул рукавом пот.– Выше Эль-Пасо мой конь не забирался. Туда только птицы летают. Да, похоже, бежит вот та река...

– Тогда тебе будет интересно отдаться ее течению... —меч вспыхнул огнем на солнце.– Хотя даже и это путеше-ствие для тебя роскошь.

Глава 14

Старик замолчал, оперевшись взглядом в чернильный прибор. Он смотрел немигающим взглядом на одну давно примеченную им царапину и думал, как слаб и как одинок он на пороге опасного решения. Его Монтерей, да что там — вся Верхняя Калифорния — кишела подчиненными ему людьми, но не было ни одной души, которая постучала бы к нему в двери и поделила его муки: безумно горделивые помыслы о величии и убийственное сознание беспомощности. «Тот же Ксавье: славный малый, но скользок, что угорь, и изменчив, как хамелеон,— резюмировал де Аргуэлло.— Сто против одного — комендант будет с тем, кто останется в выигрыше».

Но даже осознавая всю глубину и низость этой гадкой истины, он боялся сейчас остаться один, потерять пусть изменчивое, но живое участие человека, которому изливал душу, который внимательно слушал его и был всегда готов услужить советом.

— Я хочу одного, Ксавье,— Эль Санто коснулся своего холодного лба некогда сильной и твердой, а ныне дрожащей и ошибающейся рукой.— Чтобы русские посланцы, если они объявятся у наших ворот, испугались и знали, с кем имеют дело.

— А если этого не случится, ваша светлость? — комендант следил за стариком беспокойным взглядом.— Вы окажетесь крайним, простите... А что будет потом, догадываетесь?

Губернатор поднял уставшие глаза и встретился с упорным взглядом черных глаз де Хурадо.

— Боюсь, после сего вам уже никто не подаст руки...

— И вы тоже, Ксавье?

— Не знаю,— уклончиво ответил тот, опуская настороженные глаза.— Возможно, дети и жена уже будут оплакивать своего отца на могиле.

«Вот ведь уж, как опять извернулся»,— усмехнулся в душе де Аргуэлло.

— Ладно, довольно сгущать краски, мой друг, уж кто-кто, а вы сумеете выйти из всех передраг. Ну, а искать виновных в сем деле будет несложно... Кто не виновен, кто хоть раз не влез в политику? Меня обвинят уже только за то, что я губернатор, и вынесут приговор...

— Прошу простить меня,— комендант улыбнулся одними узкими губами.— Я знаю, вам претит казарменная откровенность, ваша натура... Мораль...

— Хватит петлять, амиго. К чему эта велеречивость? А о морали забудьте; кто знает, сколько нам осталось сидеть на этой пороховой бочке? Помните, как у Данте²⁸: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*...²⁹

— Ну, если так,— Ксавье оживился и вежливо вытянул руку на ореховой столешнице.— Извольте. Вы не помните анекдот, ваша светлость, что прокаженный сказал шлюхе?

— «Оставь сдачу себе?» — ответил через заминку губернатор с некоторой небрежностью, за которой скрывалась настороженность.

— Именно так, ваша светлость,— поторопился комендант, с трудом справляясь с голосом.— Я разумею, вам стоит так же ответить и русским.

Эль Санто громко и истово высморкался, спрятал платок в карман атласного камзола и потребовал, вопросительно вскидывая брови:

²⁸ Данте, Алигьери — величайший поэт Италии и всего средневекового периода (1265—1321); принимал участие в общественной и политическо-ской жизни своей родины Флоренции; был осужден на изгнание, а затем и на смертную казнь; покинул навсегда Флоренцию; скитался по разным местам; последние годы жил в Равенне, где и похоронен. Первое его произведение — «*Vita nuova*» — собрание стихотворений. Его «*Convito*» — образчик итальянской научной прозы. Его «*Rime*» содержит стихотворения, сонеты и канцоны. Обессмертил себя «Божественной комедией», состоящей из трех частей: «Ада», «Чистилица» и «Рая» и представляющей «поэтическую энциклопедию средневекового мирозерцания». (Прим. автора).

²⁹ *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate* (итал.) — по Данте, надпись над воротами в ад, означающая: «Оставьте надежду входящие сюда». (Прим. автора).

– Нельзя ли яснее?!

– Ясность тут одна, ваше высокопревосходительство. Испанцы со времен великой Конкисты не разучились держать оружие в руках.

– Но откуда нам взять силы? – старик, запаливаясь, приподнялся в кресле.

– Силы? О, они всегда появляются, когда нужны. Я более чем уверен: гарнизона Монтерейя хватит отбить атаки этих варваров. А если присовокупить к этому эскадрон вашего старшего сына Луиса, да волонтеров Сальвареса, то мы вполне бы могли рискнуть взять штурмом их форт. Разве это не решение всех проблем? Если заговорят пушки – слов уже не услышать.

– Боже мой! Какое красноречие, Ксавье! А ну-ка, придержите язык, любезный, пока не испачкали его в крови патриотов. К чему вы всё призываете к войне?! Вот до чего доводит карьеризм. Вы любите только себя. Хотя, признаться, вы и себя любили не очень красиво...

– Но что же нам делать? Если молчит Мехико? Если молчит Мадрид?

– О да! Этот вопрос, как гаррота, душит и меня. Почему до сих пор нет гонца?.. Нет предписаний?..

«По-че-му?» – мысленно по слогам построил губернатор, чтобы убедиться, что такой вопрос существует и имеет смысл. Такой вопрос, конечно же, существовал и имел смысл, но был до такой степени чудовищен и страшен, что дон Хуан вновь вжался в кресло и в отчаянье сдавил подлокотники. Ему было жаль себя, Монтерей, на обустройство которого было брошено столько времени и сил... было и жаль солдат, ибо случись завтра непоправимое, никто и никогда даже не попытается разобраться в этом узле его терзаний и мук. «Господи, а если тот бред, что говорил Сальварес, действительно правда? – подумал он и содрогнулся. – Бедные мои дети, что ждет их в новом мире? Может быть, новые палачи? А я?.. Сам-то я что? – Эль Санто плотно сжал губы. – Нет, ничего не выйдет. Я по рождению и по духу буду всегда принадлежать к старому миру».

Старик закрыл глаза, чувствуя, как при звуке крепостного колокола обливается кровью сердце в его груди, точно каждый звенящий удар приближал крах империи.

– Боже мой! Это какой-то жуткий рок, Ксавье! Я чувствую, как устал, как боюсь... и прежде всего потерять себя... Знаешь, мне надо давно свести счеты с Господом. Пора подумать о Вечности, мой друг. Я так много грешил. И, каюсь, что ранее так мало думал о Боге. Я уже в конце пути и, признаюсь, ни на что не надеюсь. Только не надо, не надо возражать мне, Ксавье, и успокаивать обманом. Я всё знаю... Я так устал от жизни. *Mea culpa, mea maxima culpa...*³⁰

Комендант задумчиво и понуро смотрел на бледные морщинистые ладони губернатора и не перечил. И Эль Санто показалось, что в его узких глазах читается та же мысль, кою он только что высказал вслух.

– Если у тебя болезнь и излечить ее нет возможностей, то приходится жить с ней. А моя болезнь, де Хурадо, равно как и ваша, – это дети.

– Я понимаю ваши заботы: Кончита, Луис, Сальварес...

– Ах, помилуйте, Ксавье... не стоит беречь раны... Ладно, позже договорим, ступайте, желаю остаться один. Еще раз мои поздравления и жду приглашения на крестины, – губы старика тронула слабая улыбка.

– Весьма польщен честью, ваша светлость. Всенепременно будете званы.

³⁰ *Mea culpa, mea maxima culpa* – Мой грех, мой самый большой грех (лат.).

Глава 15

Миновав обширную равнину и ущелье между двумя горами, отряд сотника Дьякова очутился на высоком плоскогорье. Свежесть воздуха здесь чувствовалась острее, чем внизу, в долинах. Белые кудри облаков бесконечной вереницей лохматились по небу над самыми головами. Порывистый ветер выл с утра до ночи, пригибая к земле зеленую бахрому трав и низкорослых кустарников.

Казаки хмурились: все два дня пути их преследовал унылый, нескончаемый волчий вой.

– Дурная примета, – ворчал Афанасьев, казачий десятник, ехавший рядом с Дьяковым.

– Сплюнь, Константиныч, накаркаешь, и так тоск-ливо.

– Вот тебе на, Мстислав Алексеевич, – десятник хитро улыбнулся в пшеничные усы. – Ты ж у нас ни в чох, ни в вороний грай не веришь. Эй, да не темни ты очи, Ляксеич, и брови не хмурь, поди ж, сумеем с басурманом столкаться? Языки-то хоть у нас и разные, да небушко над нами одно. Им-то, поди, тоже не в жилу драку чинить? Небось в мире-то слаще житье... Эк, беда, – Афанасьев хлопнул себя по животу, что дородно нависал над ремнем, и почесал лунную лысь, снимая папаху. – Вечно так: кто в рай к ангелу, а мы всегда к черту на рога. Да пусть и так, брат, – Константиныч шлепнул себя по распаренной шее, сбивая докучливого слепня. – Один шут, образумим испанца... А ежели нет, то милости просим, хто с казацкой пашкой переведаться хочет... Ты ж помнишь, Ляксеич, чо его благородие на дорожку сказал: «Смерть наших ребятушек – это вода на мельницу тех, хто выжить нас жаждет». Не ко двору наш мужик пришелся на ентуй земле... Да токмо русак не из воску Христом слеплен... Пусть только сунутся...

– Да замолчишь ты?! – Дьяков сплюнул с досады. – На словах-то мы все как на гусях. И ты меня, Борис, за ногу-то не лапай, я тебе не девка. Руби сразу, что наросло, но только не жужжи.

– Ух вы какой, вашбродь. Еще не вскипело, а вы уж заварились.

Десятник жаро матькнулся сквозь зубы и пощурился окрест. Плоскогорье медленно спускалось к побережью. Долины расступались всё шире, захватывая дух величием своего простора.

– Чо ты всё злился, Мстислав Алексеевич!? – расстроенный Афанасьев прищипорил утомленного жеребца. – Думаешь, тебе одному заботливо да горько? Нам, может, всем жить-то осталось пустяки. Вдруг ударит нас испанец аль возврату не даст, бросит заложниками в острог.

– Не скули. Твоим языком только сваи забивать.

– Ну вот вы опять... Лучше б водочки, вашбродь, для настрою народу во внутрь приказали принять... Ишь ведь каки хмурые, притомились мужики.

– Не время, Борис Константиныч. Скоро подъезжаем. Ты давай-ка проверь, чтоб вид у всех был, пуговицы и крючки... И оружие, чтоб до зеркального блеску!

Всадники растянулись гуськом и стали спускаться по каменистой тропе в салатную долину. Вода была на исходе, и отряд начинала томить нарастающая жажда. Покуда пересекали плоскогорье, им ни разу не попался ручей или родник. Под копытами шуршала лишь жесткая трава да растрескавшаяся земля. На горячих камнях грелись змеи и ящерицы-тейю, в воздухе звенела мошкара, от которой не знали покою ни животные, ни люди.

Спустившись в долину, казаки приметили впереди себя большое стадо антилоп, бредущих к югу.

– Вот и славно, братцы! – обернулся обрадованный десятник. – Утолим жажду еще до обеда – зверье-то на водопой тянется.

Спекшиеся от зноя люди с облегчением расправили усталые плечи. Надежда на близкую воду заставила охотней рысать и уставших лошадей.

* * *

У небольшого озера, что голубой подковой лежало среди холмистой равнины, стояли клубы пыли. У воды длинными вереницами жались тонконогие антилопы, олени, воздух пестрел от галдящей птицы...

Вдруг, точно по команде, все головы повернулись в сторону бурых холмов, точеные ноги напряглись, уши стали торчком. Еще мгновение, другое – и многие сотни быстроногих кочевников беспорядочной лавиной понеслись на восток, где открывался прозрачный и чистый горизонт.

Отряд приветствовал озеро радостными возгласами, шумно въезжая верхами в долгожданную воду.

– Эх, шас бы тусклое окошко родной русской баньки! – мечтательно протянул Худяков, толкая в бок притихшего Щербакова. – Да не в этой жаре и пылище... А пробежать бы босячком меж сугробов по дорожке, что к баньке ведет. А она, родная, парит, шельма, берлогой... Там, брат, душа и без вина взывает!

– Может, хватит? – Щербаков хмуро омыл лицо и шею. – Вечно начнешь в блин раскатываться, душу на-изнанку выворачивать. Ну-к, помоги седло снять, пряжку с подпругой перекутило...

Худяков умело помог товарищу, но мечтанья свои в клеть не загнал:

– Дурак ты дурак, Иваныч, душа у тебя, что зачерствелый хлеб... Уж я б попарил тебя вволю... В парную-то, Николай, надо что конь в поле влетать, на полкй, бывалоче, разомлеешь от пара – благодать... Жена плеснет квасцу, шоб в душе огонь не ленился, шоб хворь, значит, отлетела с листвою, понимаешь? А уж как квасок вспучится на каменке, тут уж держись... На, возьми мою щетку, у меня волос жестче, – Худяков протянул «чесак». – Эй, у тебя кобыла спину, что ли, сбила? Нет? Гляди, это дело нешуточное, не угрожь свои «вторые ноженьки».

– Ладно учить! Чай, не сопляк... – Щербаков любовно похлопал по атласной шее свою «Аннушку». И принявшись вычесывать ее гриву, царапнул Сергея вопросом: — Ну, ты, чего споткнулся... Чо там про женку свою трепал?

– Да я вон гляжу, Иваныч, – Худяков прыснул в кулак, весело и хитро шуря глаза, – кобыла твоя чой-то лыбится...

– Да тебя, дурака, увидела.

– Да, я не про нее... Я о бане тебе говорил. Как хлебушком-то в ней пахнет, солнцем и деревом! Душа, будто в церкви, от грехов очищается, когда жар медведем ворочается, а веник чертом пляшет по спине... Чистый рай. А ты как же, Иваныч, «Аньку» свою выкупал, а сам?

– Да мыла жаль, огузок совсем и остался, а еще ведь обратно пылить... – Щербаков в смущенном откровении согнул плетеный казачий кнут.

– Ну, скажешь! Бери, – Худяков душевно сунул ему свою печатку и, подбирая двойную узду, повел своего жеребца на берег.

Вволю напившись, наполнив фляги и выкупав лошадей, Дьяков собрал казаков держать совет. Впереди, за водой, начинал подниматься лес, и прежде, чем окунуться в его тень, следовало выслать дозор.

– Дозвольте, вашбродь! – Афанасьев, свежий и бодрый после купания, с запалом тряхнул сидящим ковылем волос. – Возьму Худякова с Иванычем, и раз-два...

Сотник внимательно посмотрел на неугомонного десятника и усмехнулся в душе. Афанасьев покорял его сердце своей разительной проворностью и готовностью к делу, точно он бегал на десятке ног, не вспоминая о своих зрелых годах, полный какой-то неуывающей ядерной энергии.

– Ладно, годится, – Дьяков согласно качнул головой. – Только уж будь, Борис Константиныч, настороже. Тишина обманчива... и хлопцев береги... Шумнете, ежли что...

– Лады, Мстислав Алексеевич, будь покоен.

Казачи обнялись и расцеловались. Все молчали, провожая дозор, но все знали, что товарищи их могли уже не вернуться.

Глава 16

Когда тройка всадников смешалась в единое пятно и уже нельзя было разглядеть, кто из них кто, сотник с сосредоточенной медлительностью выбрал место у большого валуна и сел неторопливо.

«Кому много дадено – с того крепко и спросится, брат, – вспомнились ему слова Кускова. – Так что призови весь свой ум, Мстислав Алексеевич, помни, что все, кто остаются здесь, будут молиться и уповать на тебя».

Сотник повернулся, точно подыскивая более ладное по-ложение, и прислонился еще сырым от воды затылком к теплому камню. Взгляд его светлых глаз застыл в бесконечной думе: «Что нас ждет в Монтерее? Ох, Матерь Божья, по себе ли дело делаю? – кручинился он, но тут же и прижигал свою душевную слабость: – Нам нынче не до разбиву. В кулак собраться надо. Верно говаривал Баранов: «“Велика Россия – не обнесешь ее забором... А уж здесь, на новорусской земле – кроме нас ей защиты ждать неоткуда”»...»

Дьяков посмотрел на мелкие камешки, кои точно за-стывшие вопросы, лежали у его ног: «Господи Вседержитель, окинь взглядом землю нашу и дай ответ. Доколе жить нам на острие меча? Доколе под страхом ходить, радости земной не замечая?.. А испанец себя уж, поди ж ты, победителем мнит? Ну да ладно, победитель победителю завсегда сыщется. Поглядим, чья возьмет. Пожалуй, стоит соглашаться с испанцами на всё... Потом ждать, тянуть время и ссы-латься на Петербург, дескать, мы люди маленькие... сюда нас Государь направлял, ему и уби-рать нас. А ведь при самом основании жили так дружно, – вновь царапнули воспоминания. – Губернатор Верхней Калифорнии, равно как и все другие испанцы, в зависимости его нахо-дившиеся, пособили нашему брату. Помню ведь, как снабжали нас первое время и скотом, и лошадьми, и с Иваном Александровичем водили дружбу... Попы их покупали у нас товар разный на хлеб и на чистые деньги. Испанские господа, случалось, навевывались с женами по-гостить, да и мы к ним не раз объявлялись. Вот ведь судьба-злодейка! Жили, как должно двум соседним народам... И на тебе, нашла коса на камень...».

– Ваше благородие, наши возвращаются...

Казаки поднялись с травы, беспокойно вглядываясь в приближающуюся тройку.

* * *

– Ну, как там? – Дьяков пытливо смотрел на десятника, ощупью одергивая кафтан.

– Да как будто всё слава Богу... Можно ехать... Не угостите табачком, вашбродь?

– А свой-то уже пожег, никак?

– Да нет, – глаза Афанасьева хитро заискрились в пучках веселых морщинок. – Чужой-то, он завсегда слаще, Ляксеич. Хоть и с одного огороду.

– Ох, Константиныч... Жук ты еще тот! – сотник отсыпал из кисета в ладонь казака американского табаку. – Набьешь трубку, дашь пару раз садануть. Не хочу целую.

Сотник пристально посмотрел на дубраву, потом на обступивших его казаков:

– Веселей, братцы, живы будем – не помрем. Через пару часов Монтерей.

Глава 17

– Только не спрашивайте, Ксавье, как я спал,– хмуро заявил Эль Санто, когда днем встретился с комендантом в трапезной.

– Почему? – лицо де Хурадо было светлым и радостным: жена умудрилась-таки родить ему сына.

– «Почему-почему»! Потому что я спал плохо, Ксавье. И, признаюсь, удивлен вашим оптимизмом. Который, кстати, час?

– Двенадцать, одна минута, ваша светлость.

Длинные пальцы коменданта защелкнули серебряную крышку часов.

– У меня отчего-то уверенность, что русские уже на подъезде,– то ли сомневаясь, то ли утверждая, сказал после минутного молчания де Аргуэлло.

Комендант кивнул в знак согласия и вытер руки салфеткой. После обильной еды и бессонной ночи его крепко брал сон и раздирала зевота.

– Перестаньте прикрывать рот платком. Вы согласны со мной, что у политики нет сердца, только ум, Ксавье?

– Да, именно так. Перед вашими словами не устоял бы и святой...

– Довольно лести. У вас это получается слишком слащаво и не к месту.

Я вам скажу больше: политическая карьера, на мой взгляд,– это успех убожеств у еще больших убожеств. Вот возьмите хотя бы, к примеру, этих гринго, что гордо величают теперь себя американцами. Развал и бунт, которые они учинили в двенадцатом году! Что это? Я даже не возьму-муть назвать это войной. Революция – та же свистопляска бесноватых фанатиков, что была и во Франции. Да я, дорогой Ксавье, более чем убежден, что любая революция делается не для того, чтобы свалить бремя угнетения, а для того, чтобы переложить его на другие плечи. Нет, я не могу принять выкрики этих выскочек, новоявленных демократов и либералов.

Ответь мне, кто они? Растерялся? Что ж, я помогу вам, де Хурадо,– продолжал Эль Санто, поднимаясь из-за стола.– Либералы – это наглецы, твердо стоящие обеими ногами на воздухе. Монархия – вот порядок от Бога, при котором судьбами империи вершит один человек, олигархия – это когда болтовни и грызни уже больше, чем дела; а демократия – то, что устроили гринго – это когда не руководит никто. Подумай сам, Ксавье, что могут народу дать те, у кого ветер в кармане? У кого нет ничего и кто хочет этим со всеми поделиться? Знаю я этих крикунов: их желание быть спасителями нации – это жидовская хитрая уловка быть ее правителями, и не больше! Вспомни святые очистительные костры Торквемады!³¹

– Да, ваше превосходительство,– только и успел вставить ошеломленный красноречием комендант.

– Это хорошо, это превосходно, что вы понимаете меня, мой друг. Сегодня для нас это не праздный разговор за вином. Новую Испанию ждут великие испытания.

Губернатор в раздумье склонил голову. Воцарилось молчание. Ксавье с трудом погасил в себе желание зевнуть и откланяться. Он сидел неподвижно, с выражением скуки и безразличия на уставшем лице.

– Надо благодарить Создателя, ваша светлость, что в этой борьбе хотя бы один из противников всё равно проиграет... – неуверенно заявил он и вновь прикрыл рот кружевным батистом.

– А вы философ, любезный,– дон Хуан сосредоточенно очищал апельсин.– Хотя из вас, пожалуй, мог получиться бы весьма недурной политик.

³¹ Торквемада, Томас (1420—1498), великий инквизитор Испании; отличался потрясающей жестокостью; изгнал евреев из Испании, считая их чумой для испанской нации; утвердил более 8 тысяч смертных приговоров. (Прим. автора).

– Вы думаете? – вяло отозвался Ксавье. Но при виде снисходительной улыбки на лице дона Хуана умолк на полуслове. Некоторое время они мерили друг друга взглядом, потом Эль Санто сказал:

– Представьте, да. Вы скучный человек, комендант, даже до омерзения, а мои наблюдения подсказывают: первое требование к государственному чиновнику – чтобы он был скучен. А это в действительности не так-то просто, как кажется. У вас же... прирожденный талант. У вас всегда такое кислое, унылое лицо...

– Увы, я на службе, ваша светлость.– Де Хурадо, не зная как занять себя, тоже принялся за апельсин, аккуратно и не спеша срезая десертным ножом пористую кожуру.

– Ко всему прочему, Ксавье, вы довольно умело научились «играть» и делать вид. И, сознаюсь, иногда я клюю на это и верю вам. А политики только и знают – делать вид. Ну, например, что у них нет времени. Это, кстати, всегда действует на чернь.

Апельсин брызнул в руках де Хурадо, оставляя след на рукаве, когда послышалось отрывистое стакато сигнальной трубы.

– Вот и дождались! – губернатор швырнул кожуру на стол мимо вазы.

Комендант было вскинулся, но встретил холодный взгляд Эль Санто. И едва старик заглянул в его напряженные глаза, как ощутил легкую дрожь. С деланным безразличием пожав плечами, он оторвал дольку апельсина.

– Если это русские...

– Все будет сделано по вашему приказанию, дон. Разрешите действовать?

– С Богом, Ксавье.

Губернатор откинулся на спинку стула.

Глава 18

– Откройте ворота! – тонконогий гнедой жеребец с белым пробелом на морде выплясывал под Афанасьевым.—Эй, кто там? Дайте проехать русским послам!

Падре Ромеро усмехнулся уголками губ, посмотрев на стоявшего у бойницы коменданта.

Ксавье, выждав еще несколько долгих минут, подал условный знак, и лишь тогда монах, стоявший на крепостной стене, с почтительным поклоном удалился за ворота.

– Холера их возьми! Они же издеваются над нами! —десятник с укором посмотрел на терпеливо сидящего в седле Дьякова.

Наконец показался все тот же священник и, приложив ладони к устам, сообщил:

– Его высокопревосходительство губернатор Монтерея и всей Верхней Калифорнии дон Хуан де Аргуэлло заняты срочными государственными делами и приказали не беспокоить его, кто бы ни прибыл.

– Ты сказал ему, что приехал посол самого наместника его величества? – теряя терпение, гаркнул десятник. Ужаленный плетью жеребец встал на дыбы, поднимая пыль.

– Никак нет, сеньоры,– смиренно отвечивал падре Ромеро.– Ведь как я уже имел честь доложить вам, его светлость премного заняты важным делом.

Мстислав бледнел, сцепив зубы, слушая глубокомысленную болтовню, и наконец не выдержал:

– Болван, ступай немедля и передай его высокопревосходительству, что я требую немедленно открыть ворота! В противном случае мы расценим сие как ответ!

За воротами послышалось какое-то оживление, блеснули на солнце грани штыков притаившихся королевских солдат. Казаки с беспокойством глядели то на своего командира, то на черные жерла пушек, что до срока дремали в молчанье по всей крепостной стене.

Тем временем невозмутимый страж с кем-то посовещался и с тем же неизменно учтивым поклоном вновь удалился.

– Да что мы носимся с ними, как кот с салом! Они же потешаются над нами, вашбродь! – Афанасьев, багровея скулами, схватился за пистолет.

– Отставить! – Дьяков злее сжал повод.– Потерпим еще малость.

– Потерпим, потерпим! – ругнулся Борис.– Да у нас, поди ж ты, терпелка не из чурбака выстругана. Где ж это видано, чтоб с послами так обращаться! У нас уж весь терпеж по швам трещит!

Казаки, выстроившиеся в цепь позади сотника, зароптали, тревожно забряцало оружие.

«Даже волк краше смотрит на ягненка, чем они на нас»,– с болью подумал Дьяков, но преломил себя, приструнив своих.

На этот раз ждать пришлось еще дольше. Ни единого движения не было заметно на стенах редукации, и только где-то вдали, в самой сердцевине ее слышалось заунывное церковное песнопение «De profundis».³²

Когда русский отряд совсем было уже сжег последнее терпение, бойница на сторожевой вышке внезапно распахнулась. В ней обозначилось морщинистое лицо монаха, кой с сокрушенным видом известил, что передать просьбу наместника губернатору ему не удалось, так как тот по совершении неотложного дела изволил почивать.

– Так значит, ваш губернатор приказал не пускать нас?!– в совершенном бешенстве заорал Дьяков.

³² «De profundis» – «Из глубин (я воззвал к Тебе)»– начальные слова заупокойной католической молитвы. (Прим. автора).

Наиболее горячие головы из казаков быстро насыпали пороха на полку и взялись за замки ружей. Афанасьев процедил сквозь щербатые зубы:

– Если этот поп еще раз откроет не по делу свой рот, я закрою ему глаза.

Однако все притихли, когда со стены вновь закричали:

– Упаси вас Иисус! Да разве его высокопревосходительство дон Хуан де Аргуэлло посмел бы отвернуться от чести лицезреть в своих пенатах ваше сиятельство! Увы... – тут он беспомощно развел руками.– Мы, недостойные и презренные, просто не погодили предупредить его светлость, как тот пошел почивать... а беспокоить и будить его нам ни в коем разе не дозволено его превосходительством комендантом пресидии Ксавье де Хурадо.

Дьяков весь в красных пятнах едва не задохнулся от гнева.

– Подлец, иди и передай своему дурумному коменданту, что если ворота не будут тотчас отворены, мы доложим главному правителю в Ситку, что Испания объявила войну России!

После этих слов петли крепостных ворот неохотно за-скрежетали, и тяжелые, из красного калифорнийского дуба, они стали медленно открываться.

Глава 19

– Успокойтесь, любезный,— губернатор попытался вежливо улыбнуться.— Вам пришлось немного подождать... Что ж, такое бывает. У Испании много дел. Во всяком случае, у вас был выбор, мой друг.— Эль Санто понизил голос, вглядываясь в лицо русского посланника.—Если б не сумели дожидаться, то могли бы красиво уйти...

– От ваших ворот – да, но не из Нового Альбиона.—Мстислав вызывающе повел бровью.— И решение наше крепко.

– Вы, похоже, прибыли в Монтерей только для того, чтобы оскорблять меня?— Эль Санто вдруг остро ощутил груз своих семидесяти двух лет.

– Не примите мою резкость к сердцу, ваша светлость, а приложите ум. Гибель наших людей и сожженная мельница – это не пустяк, и за сие вам придется держать ответ.

– Вы говорите так, чтоб запугать меня?

– Я не могу позволить себе так зло шутить. наших людей действительно убили, и мало того, не по-христиан-ски надругались над ними,— нервы Мстислава, казалось, готовы были вспыхнуть, но голос звучал твердо.

– А вы решительны. Я вижу, вы приехали не ради за-бавы. Но вот, простите, я не могу понять, что вы ищете?

– Вы издеваетесь?

– Отнюдь, сударь, отнюдь...

– Истину, черт возьми! – губы сотника сжались.

– О, это похвально. Но знаете ли вы, господин посол, что одна, всего лишь одна крохотная ошибка, заблуждение или, скажем, ложь портит тысячу истин?

– А вы, похоже, не удивляетесь нашему визиту? —Дьяков посмотрел на губернатора в упор.

– Визиту нет, а цели... С чего вы вообще считаете, что это дело рук испанских солдат? А у меня, между прочим, есть к вам тоже вопросы! Мне стало доподлинно известно, что ваша фортеция весьма основательно и бегло продолжает обзаводиться все новым и новым арсеналом: тяжелые пушки, стрелковое оружие...

– Точно так, ваше высокопревосходительство. И смею вас заверить, не для того, чтобы хранить его как реликвию. Я желал бы знать, по какому праву ваши люди творят разор на русских землях?

– Это угроза? – холодно выстрелил вопросом губернатор.

– После событий на Славянке, вашего приема и тона, если угодно, да... Сегодня вы так много глаголили здесь о вашей миссии, о заботах, возложенных на ваши плечи... Не знаю. Но ежели вы и есть государево око в Калифорнии... то, простите, оно у вас с кровавым бельмом.— Мсти-слава поразила дрожь в собственном голосе.

– Ну вот что, господин посол,— дон Хуан был бледен, глаза недобро блестели.— Я чувствую, вы хотите покинуть Монтерей, и скоро это сделаете. Надеюсь, вы слышите меня? Конечно слышите. Если желаете, допейте свое вино и прощайте...

– Эх, не тот разговор затеян у нас с порогу. Не в то русло речи бегут... – сотник сокрушенно покачал головой.—Вот ежели б добром и миром решить всё... По гроб жизни люди бы наши обязаны вам были... Сами бы помнили, да и детям своим с внуками наказали.

– То, что я хочу вам ответить, следует говорить стоя,—губернатор решительно поднялся, расправил плечи и сомкнул пальцы в замок на груди.— Мне трудно выражаться о ваших чувствах к Испании, но я вполне могу сообщить о своих. Вы, русские,— кость в горле Новой Испании, и виной тому – ваше упрямство, наглость и спесь. Это мэка, иметь такую страшную язву в соседях.

– Мой совет вам – умерить пыл! – Дьяков сжал под столом пальцы.– И не терять достоинство.

– А мой совет: убраться прочь с дороги испанского коня! Да, я склоняю голову перед вашим императором. Он сумел укротить восставшего Голиафа³³. Этот чудовищный корсиканец крепко утомлял своей добродетелью Европу. При его дворе голов рубили не меньше, чем у его бесноватого предшественника Робеспьера³⁴. Но всё это не значит, что русские имеют теперь право вторгаться во владения Испании! И клянусь Гробом Господним, у нас еще есть честь и патриотизм.

– Смее заверить – русские сим тоже не бедны. А спорить с нами,– Дьяков резко поднялся из-за стола,– не к обедне звонить.

– Довольно! – Эль Санто нервно дернул щекой.– Я предупреждаю вас: мы будем драться до последнего испанца.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, черт возьми!

– Ну что же, до последнего испанца, так до последнего.

³³ Голиаф – имя одного из персонажей книг Ветхого завета, филистимлянского великана, убитого Давидом (а также одно из прозвищ Наполеона). (Прим. автора).

³⁴ Робеспьер, Максимилиан – один из выдающихся деятелей французской революции (1758—1794), изучал право и затем занимался адвокатской практикой. В 1789 г. был избран в депутаты национального собрания и, благодаря своему бесстрашию, упорной энергии и репутации неподкупной честности, приобрел колоссальное влияние и уважение, так что в 1792 г. он был уже признанным лидером многочисленной партии монтаньяров в Конвенте, и, благодаря главным образом его влиянию, королю был вынесен смертельный приговор. Своим жутким террором Робеспьер восстановил против себя самых крайних радикалов; по предложению Тальена, он был арестован, но толпа освободила его; тогда Конвент с неожиданной решимостью отдал приказ взять приступом здание ратуши, где Робеспьер находился. 28 июля (10 термидора) Робеспьер Максимилиан, его брат Огюстен и еще двадцать единомышленников были гильотинированы при громких криках радости со стороны еще недавно поддерживающей его толпы черни. (Прим. автора).

Глава 20

Уже за воротами пресидии Афанасьев несмело царапнул вопросом мрачного сотника:

– Ну что, наломали дров, ваше благородие?

– И немало, похоже... Худо, братцы, худо... Беда сгущается над нами, как ядовитый туман... Видно, не хлеб нам придется сеять, а сабли точить.

– Ой, малым-мало нас для такой затеи, – буркнул Щербаков. Его изможденное худое лицо с черными в проседь усами было крепко схвачено печатью сомнения. – Это когда еще помощь из Ситки придет, а делу уж ход даден... Ежли только индеаны пособят?..

– Эва, нашел защитников. Случись что не по их, эти черти тебе сами глотку и перережут.

Десятник сплюнул с досады. Морщины на его щеках порозовели и обозначились глубже.

– В таких делах, брат, веры им ни на грош.

До озера, что лежало на их пути, отряд добрался глубокой ночью. Но в этот раз в голосах казаков не слышалось радостных нот. Глядя на небо, они не узрели ни единой звезды, и это слепое, как черный саван, небо испугало души. Никто не сумел припомнить такой безглазой и глухой ночи. Ни звезд, ни луны, ни ветра. Воздух был непо-движен, как стоячая вода безымянного озера, а они ощущали себя песком на его дне.

* * *

Лежа у костра, Дьяков долго слепил глаза, глядя в струящиеся языки пламени. Он попытался вспомнить лицо сына, но черты его как будто истаяли, стерлись временем, заштрихованные огнем. «Господи, да я уж и забыл, каков он обличем...».

Потом на смену пришел Кусков со своей Катериной, мелькнул и исчез безногий Кагиров, ломкие губы Федора Колотыгина с неясным тревожным шепотом, и снова сын, только теперь уж как будто лежащий в гробу...

Но, протянув к нему напряженные руки, сотник вдруг в ужасе откинулся назад. Не было в гробу сына. Не было Даниила, а вместо него там лежал седовласый старик и вокруг его сомкнутого рта курился неслышный зарождающийся смех.

– Ты признал меня, сотник? – хищные костлявые персты уцепились за край гроба, побелев от дикого напряжения.

Дьяков едва не задохнулся, а старик, натянув жилы на шее, приподнял голову и тайком покосился на него.

– Прочь! Прочь! Крест на мне! – захрипел Мстислав.

И снова увидел труп сына, но как будто с отнятой головой... И вновь скалящийся старик, только теперь знакомый до жути и с тем же вопросом:

– Так ты узнал меня?!

И Дьяков, немея плотью, вдруг признал в сем двоящемся кошмаре старого губернатора Монтерея. Костлявые руки его напряглись, скрюченные пальцы побежали, как пауки, к горлу сотника.

И тогда он бросился прочь, теряя своих казаков, что гибли под пламенеющими копытами гигантского всадника... И вспыхнула зловещим гранатом слепая ночь, а лицо старика лопнуло до самых ушей в сатанинском хохоте, заглушая набат русских колоколов.

Все небеса вдруг охватились огнем. И в них клубились и метались космы разорванных туч попеременно с криками гибнущих под испанским мечом.

«Это ФАТУМ! ФАТУМ!!!» – слышался из дымного хаоса громоподобный хохот старика, и подымался огненный меч, и рассекал небо, и вспарывал земную твердь...

– Ваше благородие, светает! – Худяков тряс за плечо жалобно стонущего во сне Дьякова.

Часть 2 Белая птица

Глава 1

Было мне сказано, ведано было:

– Ты должен его от недуга избавить.

И пусть помогут ему черные духи земли,

И ты, Мать Касатка!

Было мне сказано, ведано было:

– Барабору³⁵ ты должен богатой сделать,

И пусть помогут ему синие духи воды,

И ты, Мать Касатка!

Было мне сказано, ведано было:

– Барабору ты из кедра зеленого сделай.

И пусть помогут ему белые духи неба,

И ты, Мать Касатка!

Было мне сказано, ведано было:

– В бараборе этой возрастишь ты воинов-сыновей.

И пусть помогут ему красные духи огня,

И ты, Мать Касатка!

– Ай-я-я! Хон! Хон! – седая голова Цимшиана, увенчанная шапкой из высушенных человеческих пальцев, замерла, точно отделившись от еще бьющегося в конвульсиях тела. Большой бубен прощально грохотнул в морщинистых цепких руках и затих, будто спрятал язык, которым шептался с духами. Жрец припал к нему ухом. Круглый, как солнце, бубен был сделан из туго натянутой на обруч шкуры белого волка и издавал глухие, но волнующие сердце звуки.

Притихшие ряды шехалисов упали на колени и воздели сотни рук в небо. Шаман обвел соплеменников царапающим, как шип, взглядом и остановился на группе рабов из восьми человек, которых с двух сторон обступали воины в лосиных плащах.

Плоский нос на широком темном лице сморщился в хищную складку, губы растянулись, обнажив мелкие крепкие зубы.

– Время, калги!³⁶ – прохрипел он, и бубен зловеще зарокотал, будто поддакивая словам жреца.

Рабы – две жилистые старухи из племени клаллам и шесть плененных мужчин из горного народа чилкотинов —напряглись, не в силах отвести взгляда от горящих глаз Цимшиана.

Медные острия копий воинов погнажи жертвенников вдоль длинных рядов собравшихся к восьми вырытым яминам. Крики и монотонные удары древесного барабана сопровождали каждый их шаг, покуда несчастные не достигли огромного тотемного столба. Несколько лун назад его по традиции установили рабы у места закладки новой бараборы для Чокто – сына вождя.

– Иди, убей их, как завещали нам духи.

³⁵ Барабора – деревянные жилища береговых тлинкитов, квакиютли, шехалисов; делались рабами по типу «длинных домов» ирокезов.

³⁶ Калги – рабы из плененных вражеских племен.

Кулак вождя Две Луны, сжимающий вампум³⁷, толкнул в спину сына. При этом глаза старого воина заблестели влажным блеском, словно два сырых яйца.

Чокто обернулся и посмотрел на отца. Из-под низкого лба на него выжидающе глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щеткой нависали сросшиеся брови.

– Ну! – ожерелье из медвежьих когтей качнулось от нетерпения на широкой груди грузного старика, орлиные перья качнулись веером в волосах.

Чокто колебался минуту, когда рука шамана, темная, как плеть из воловьей шкуры, которую передержали на солнце, протянула ему боевой топор.

Замеревшая толпа огласила молчаливый берег испуганным воем. Сын вождя легко подхватил тяжелый томагавк и, отбросив свои свисающие до пояса волосы, широким шагом направился к тотемному столбу.

Две Луны довольно улыбнулся, глядя на калги, до которых, наконец-то, дошел весь ужас их положения. Обезумевшие глаза старух непрерывно вращались в красноватых слезящихся глазницах. Они что-то скулили на своем языке, взывая к небу. У одного из чилкотинов из глотки тоже вырвался гортанный вой. Его крик подействовал на остальных жертвенников, потому как мгновение спустя его подхватили другие. И вскоре сей крик перерос в боевую песню, которая звучала как вызов надвигающейся смерти.

Обе старухи одна за другой пали под ударами топора с проломленными черепами, их лица запестрели красным, точно на них набросили кровавую сетку. Такая же участь постигла и остальных; песнь прерывалась криком и слышно было, как железо глухо врубалось в кость.

Когда дело было сделано, из груди Чокто вырвался боевой клич шехалисов, и вновь загрочотали барабаны и загудел бубен Цимшиана. Медвежья шкура на его костлявых плечах дрогнула, зазвенела медными пластинами холодной ковки и точно ожила, закружившись в танце.

Воины по знаку вождя воткнули в землю свои копья и ничком припали к береговой гальке, потом вскочили на ноги и затянули песню. Ноги, затянутые в ноговицы из оленьей кожи и расшитые бисером мокасины, тронулись в танце, поднимая пыль. Пять сотен воинов под монотонный мотив двигались вдоль растянувшихся по скалистому берегу барабор. Они змеей, друг за другом медленно обходили почерневшие от ветра и солнца дощатые дома, сгибая через каждые два шага то одно, то другое колено. А визгливый голос Цимшиана, усиленный сотнями глоток, сотрясал угрюмый берег:

Громко зовем мы, зовем всё громче:

– Эй, пробуждайтесь, черные духи, живущие в земле!

И ты, Мать Касатка!

Громко зовем мы, зовем всё громче:

– Эй, откликнитесь, синие духи, живущие в воде!

И ты, Мать Касатка!

Громко зовем мы, зовем всё громче:

– Эй, поднимайтесь, белые духи, живущие в небе!

...красные духи, пляшущие в огне!

И ты, Мать Касатка!

Всё это время женщины, сидящие поодаль у подножия вздыбленных скал, отбивали такт черепашьими трещотками и на высокой ноте хватили припев древней песни:

Слушайте, черные упорные духи, вот вам работа:

³⁷ Вампум – ожерелье из раковин, зубов животных и бус, либо вышитый пояс, сочетания или орнамент которых имеют важное смысловое значение. Своеобразное священное письмо краснокожих, не имевших своей письменности. (Прим. автора).

– Да станут столбы его дома прочнее камня!
Слушайте, синие проворные духи воды, вот вам работа:
– Да станет крыша его плотнее китовой шкуры!
Слушайте, белые, летучие духи, вот вам работа:
– Да станет дыханье его очага теплее солнца!
Слушайте, красные жгучие духи, вот вам работа:
– Да станет кровь в его жилах горячей,
как раскаленный песок!

Песня заканчивалась, и воины куана³⁸ Касатки, поравнявшись со своими копьями, хватились за древки.

Чокто, как хозяин будущей бараборы, отошел в сторону, где на китовых позвонках сидели вождь, старейшины и великие воины его рода.

Две Луны указал ему на свободный позвонок слева от себя и улыбнулся безгубым ртом. Когда сын опустил рядом, он положил длинный вампум, сотканный из священных раковин, себе на колени и, вытянув руку, дотронулся до груди сына прямо под сердцем. Затем коснулся до того же места на своей груди и хрипло сказал:

– Скоро ты станешь анкау³⁹, Чокто. Дом у тебя уже есть. Калги поднимут его раньше, чем лосось пойдет на нерест. Через четыре дня, – Две Луны выбросил четыре татуированных пальца, – мы отправимся на Священную скалу Матери Касатки. Готовься, спрашивай духов и думай, что ты скажешь ей.

Время, отпущенное дню, миновало. Мраморная луна, похожая на раскрытый цветок белой водяной лилии, терялась в дымном облаке. Прозрачный свет ее заливал шумящий прибоем океан и известняковые громады скал, тянущихся с севера на юг. Танцы давно кончились, но поселок Людей Берега продолжал свою жизнь. В честь закладки большого дома сыну вождь устроил потлач-кхаташи⁴⁰, созвав гостей и родственников не только из фратрии ахкани, где, в основном, проживали свояки и шурины, но и друзей из далеких мест.

День съезда родни и гостей как нарочно ознаменовался богатым уловом и охотой. Рыбаки доставили в своих каноэ⁴¹ несметное множество рыбы и дичи. Еды было вдоволь, и это веселило сердца. На окраине стойбища шехалисов выше человеческого роста лежали добытые охотниками туши лосей и оленей. Женщины в чавкающих от крови мокасилах трудились не покладая рук. Перемазанные жиром, они ловко надрезали пиколами⁴² шкуры, просовывали крепко сжатый кулак под кожу и, приподнимая ее, умелыми резкими движениями одного лишь кулака свеживали тяжелые туши. Руки их были багряными выше локтей, но они не чурались сей малости: пронзительно перебраниваясь или смеясь между собой, старухи и молодые индианки вытирали их о засаленные подолы кухлянок или давали облизывать собакам. Лохматые индейские псы, громко дыша и поскуливая от жадного нетерпения, шныряли среди женщин, лязгали зубами и устраивали дикую свору, когда то тут, то там в сторону летели сизые потроха.

Чокто в окружении друзей окинул взором берег. Стояла ночь, но гости продолжали прибивать. То и дело глашатаи, ударяя колотушками из копыт косули, обходили лагерь от одного

³⁸ Куан – то же, что и клан или род.

³⁹ Анкау – вождь.

⁴⁰ Потлач – публичный пир, сопровождающийся щедрыми раздачами накопленных индейским богачом натуральных сокровищ. Кхаташи – потлач в связи с постройкой нового дома. Существовали еще потлач-«игрушка» в честь новорожденных; а также потлач-укехаташих – поминки или так называемое кормление умерших. (Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки / Изд. АН СССР.– М.: Наука, 1974). (Прим. автора).

⁴¹ Каноэ – индейская лодка из бересты и дерева.

⁴² Пикола (пиколка) – женский индейский нож.

куана к другому и громко оповещали: «С юга прибыли Люди Горбуши»⁴³ или «Спешите встречать друзей нутка!»⁴⁴. Гостям помогали вытащить на берег каноэ и баты⁴⁵, устроиться в барабах или поставить палатки-яххи⁴⁶. Берег вспыхивал всё новыми и новыми кострами, где начинали звучать песни и речи друзей.

У каждого кострища Чокто приветствовали радостные крики знакомых, и зазывали всячески пытались затянуть сына вождя в свой круг.

Чокто был самым рослым среди шехалисов, и плечи его с каждым годом становились все шире и массивнее. Не было в роду Касатки воина более ловкого и неутомимого, чем он. Остротой обоняния он мог соперничать с любым хищником, и редкий раз, возвращаясь с охоты, рабы не тащили в лагерь тушу оленя или другого зверя, добытого его меткой пулей.

Кроме обжаренного и отварного мяса, испеченной на углях рыбы, на потлаче можно было видеть груды ракушек, арату⁴⁷ и разнообразных моллюсков, которых собравшиеся поедали сырыми, разбивая о камень либо вскрывая ножом. Обильную пищу запивали не только родниковой водой. Скво⁴⁸ выносили глиняные горшки с напитками, вареными из сока давленных ягод: черники, дикой малины и вишни. Их подслащивали пчелиным медом. Основательно перебродив, они становились крепкими, хмельными и веселили сердце. То тут, то там затевались азартные игры в иглы дикобраза или начинались пляски. Две Луны, едва держась на ногах, скинул с себя всю одежду, кроме набедренной повязки, подставляя свое большое тело прохладному ветру. Теряя счет, он раздавал подарки: мелькали роскошные накидки тлинкитов из пуховых коз под названием «чилкат», дарились акульи зубы, цветные раковины и дорогая резная посуда квакиютли. Все славили щедрость старика, хотя и отдавали отчет: долг платежом красен... и придет день, когда каждый достанет лучшее из своих сумок, чтоб рассчитаться с шехалиским лисом.

⁴³ Люди Горбуши – квакиютли.

⁴⁴ Нутка – одно из племен-рыболовов Северо-Западного побережья Америки.

⁴⁵ Баты – большие лодки, способные вместить от десяти до ста человек.

⁴⁶ Яххи – большие переносные палатки, по типу известных палаток-типи индейцев прерий; не путать с вигвамом. (Прим. автора).

⁴⁷ Арату – мелкий морской рачок, схожий с креветками. (Прим. автора).

⁴⁸ Скво – индейская женщина.

Глава 2

Еще гремели песни и дробились мозговые кости, когда Чокто с тяжелым животом и кружащейся головой, перешагивая через тела родственников и гостей, направился в барабору отца, что располагалась в центре селения. Найти ее не составляло труда даже в ночи, так как рядом с нею тянулся в небо самый высокий тотемный столб из цельного кедра, покрытый резьбой лучших мастеров. Ближе к воде, там, где были вырыты ямы и куда еще днем сбросили убитых им рабов, теперь уже торчали домовые столбы его будущего жилища. Чокто пьяно облизал пересохшие губы и устало оперся на один из столбов. Где-то ниже, у самой воды, послышался звонкий смех. Девушки отмывали одежду и расчесывали гребнем волосы.

Он вдруг почувствовал, как что-то горячее залило его грудь и заставило сжаться сердце. Сами собой на ум пришли слова матери, умершей при родах три зимы назад: «Охотник без жены – что дом без очага».

Хмурый и мрачный, он опустил на землю. Думая о девушках, ему почему-то припомнилась одна из старух, которая успела плюнуть ему в лицо прежде, чем его топор сделал свое дело. Худая, старая, с провалившимися сухими щеками и длинными спутанными волосами, похожими на седую гриву старой волчицы, она неуловимо напоминала шехалису его мать. Кожаная кухлянка ее была разорвана, обнажая смуглые костлявые плечи и тощие, будто раздавленные, отвислые груди, давшие жизнь многим и истощенные материнством.

Чокто обхватил голову руками, сдавил ее так, что вздрогнули и взбугрились глубоким рельефом мускулы. На какой-то миг ему почудилось, будто он поднял топор на свою мать. С минуту он продолжал сидеть без всякого движенья, слушая глубокие вздохи черной ночи, шумливый прибой, играющий прибрежной галькой, затем тяжело завалился на бок, точно проваливаясь в омут...

Чрезмерное возлияние перебродивших винных ягод крутило живот, вызывая спазмы. Чокто хватал ртом сырой воздух океана, но плоть продолжало корежить и трясти; он купался в испарине и несколько раз его крепко вывернуло наизнанку так, что он харкал уже желчью, а ягодицы сводила судорога.

Под утро ему приснился сон, что часто приходил к нему по ночам. Волею случая несколько зим назад ему пришлось быть свидетелем смерти матери. Он возвращался с охоты и был уже неподалеку от родной деревни, когда услышал в кустах орешника какой-то невнятный шелест. Сжимая ружье, он осторожно, часто замирая, шаг за шагом стал приближаться к зарослям, покуда не достиг цели. Когда просунутый ствол старой английской кремневки раздвинул багряную листву, перед ним открылась картина, которая заставила крепче сжать рот. На траве лежала его мать. Густые, с проседью волосы разметались по земле, широкий подол ее замшевой кухлянки был задран, голые ноги раздвинуты. Ун-па-сичей – Идущая берегом – рожала.

Чокто видел, как минута за минутой появлялась на свет его восьмая по счету сестренка. Сначала на свет объявилась лысая, с редкими, что черный пух, волосами головка, величиной чуть больше его кулака, глаза-шелки были крепко закрыты, отчего сморщенное, как у старичка, лицо взирало на мир малость сварливо...

Идущая Берегом не проронила ни звука, только зеленые от травы пальцы скребли землю. «Этот шорох я и услышал», – мелькнуло в голове Чокто. Мать, закусив рукоять ножа, терпеливо ждала, и только время от времени, когда боль схваток усиливалась, ее белые зубы крепче вонзались в темную рукоять пиколы.

Женщины Людей Берега при таких ситуациях всегда уходили сами куда-нибудь подальше от стойбища и, возвращаясь обратно с младенцем, как ни в чем не бывало приступали к своим обычным делам.

Чокто залился смущением. У шехалисов роды – дело крайне стыдливое, удел жрецов и шаманов, к тому же роженицей была его мать. Он боялся, что Ун-па-сичей приметит его и разразится скандал; однако продолжал мять коленями землю, приоткрыв рот от изумления, привороженный происходившим чудом.

Мать напряглась телом, колени ее задрожали, и крохотная сестренка Чокто скользнула на разостланное загодя домотканое одеяло. Старая индианка, опираясь на кулаки, села, быстро перекусила зубами пуповину и привычно завязала ее на голеньком животе ребенка. Затем пару раз ущипнула за плотно сжатую попку для того, чтобы дитя начало дышать, и ласково посмотрела на нее. Сестренка отнеслась к сему как настоящая скво – только тихо писк-нула, как мышка, почти неслышно, точно ведала, что крик может навести врагов на ее племя. Мать, аккуратно придерживая головку, подняла ребенка и, приспустив кухлянку с плечей, дала налившую молоком грудь.

Душа Чокто была переполнена сложными чувствами, когда он ползком, как змея, отполз под защиту раскиди-стой лиственницы. Там он поднялся и во всю прыть своих длинных жилистых ног припустил к берегу.

* * *

Две Луны и собравшиеся родственники ждали Идущую Берегом до заката солнца, а затем, взволнованные ее долгим отсутствием, отправились на поиски. Чокто шел впереди и без труда привел людей в нужное место. Все скорбно молчали и долго стояли над Ун-па-сичей. Даже собаки, увязавшиеся за отрядом, тоже притихли: ни одна не гавкнула, не бросилась шнырять по кустам, а только часто дышали, вывалив языки. Оно и понятно: они ведь тоже шехалисы.

Мать лежала на той же поляне, крепко прижав свою дочь к груди. Сестренка Чокто, вволю напившись теплого молока, беззаботно сопела носом-пуговкой, уткнувшись в мягкое плечо и не догадываясь, что больше никогда не увидит свою добрую мать.

Белое пуховое одеяло было почти насквозь пропитано кровью и пугало своим сырым темно-пунцовым цветом. Ун-па-сичей умерла из-за потери крови, которую ей так и не удалось остановить.

Глава 3

– Эй, Чокто, смотри! Будешь падать где ни попадя, пропадешь... Волки сожрут тебя, а вороны растащут кости...

Вокруг послышался смех. Чья-то сильная, властная рука схватила его за волосы и подняла голову. Чокто не успел еще разлепить глаз, как почувствовал запах пота и дыма, этот кисло-пряный аромат, а потом и все старые, знакомые с детства шехалисские запахи: огня, океана, крови, жира и земли. Когда он открыл глаза, то увидел отца: в седых волосах его трепетали на ветру широкие орлиные перья. На смуглом теле еще искрились невысохшие капли воды после купания, а на шее поблескивали украшения: медвежьи когти, соединенные пряжами голубых бус, на правой руке, выше локтя, – медный браслет хайда⁴⁹; на крупных бедрах грязная желтая повязка. Темные глаза с усмешкой глядели на сына, точно говорили: «Так ты никогда не станешь анкау».

Вокруг стояли воины из общества Каменных стрел в широких плетеных тлинкитских шляпах, украшенных сложным орнаментом, а в руках они держали игральные тонкие палочки, сделанные из трубчатых костей птиц.

Кто-то из них предложил сыграть Чокто, но тот лишь отмахнулся, последовав за отцом в хижину.

* * *

В бараборе было прохладно и тихо. Жены Двух Лун покинули ее, как только на пороге увидели старика. Вождь развалился на пышных шкурах и надолго умолк, раскурив трубку.

Чокто тоже раскинулся на мехах животом кверху, прислушиваясь к сиплой отдышке отца, к далекому лаю собак и беспокойному стрекоту крыльев залетевшей стрекозы. Но когда она, синяя, с гибким и прямым, как тростинка, хвостом наконец-то нашла выход через дымоход, наступила пронзительная тишина, словно после громкого крика. Сыну Касатки даже показалось, что уши его слышат, как залетающий ветерок играет нежной опушкой соколиных перьев в его волосах. Он лежал с закрытыми, набрякшими веками и вспоминал свое детство: отец был тогда в расцвете сил, а мать, молодая, без морщин, считалась самой любимой подружкой отца среди других жен. Ун-па-сичей слыла не только красавицей. Мать Идущей Берегом, старуха из рода Желтой Выдры, приходя в барабору отца что-нибудь кланчить, любила расхваливать дочь: «Кто из женщин Берега сравнится с моей дочерью?! – каркала она во всё горло, чтоб слышал поселок. – Она может унести на одном плече убитую косулю, идти за мужем, не зная усталости, от утренней зари до захода солнца, переплывать реки, без стоны переносить голод и жажду. Кто умеет, как моя дочь, выделывать звериные шкуры? Она подарит мужу могучих сыновей, которым не будет равных!» Бабка была нудной, как оса, и прилипчивой, что пиявка. Поэтому Две Луны всегда старался побыстрее отвязаться от старухи какой-нибудь мелочью или просто прогонял ее, если был пьян или не в духе.

Да, теплое, сладкое было время, как молоко матери. Чокто помнил и тот крепкий смех отца, и журчащий голос Ун-па-сичей, и то тягучее, спокойное тепло их дома, которое было не просто теплом очага. Он отчетливо держал в памяти, как отец, хороший охотник и воин, подбрасывал его вверх к небу и говорил, что надо развивать в руках силу, равную силе медведя-гризли, а ноги сделать неутомимыми и быстрыми, как у оленя. В те далекие дни он, зарывшись в шкуры, с замиранием сердца слушал истории стариков о славных походах, совершенных его народом на далекий Юг и суровый воинственный Север вдоль Хребта Мира⁵⁰. «В те времена, – сказывали они, – мало у кого из Людей Берега были ружья, потому как мы почти не

⁴⁹ Хайда – индейское племя, проживающее на острове Хайда к северу от шехалисов.

⁵⁰ Хребет Мира – имеется в виду горный массив Кордильер.

торговали с белыми, а индейцы племен, кому удавалось заполучить «палки-грома», не желали расстаться с ними. В племени было мало даже железных наконечников для стрел, и поэтому в бою наиболее храбрые шехалисы нарочно показывались перед самым носом врага – чтобы в них вонзились его стрелы, а потом их железные наконечники мы забирали себе... Многие, конечно, умирали, – шептали старики. – Но это были великие воины. Тело их было сплошь покрыто шрамами...»

Широкий рот сына Касатки тронула согревающая улыбка: в ушах звучал мягкий голос Ун-па-сичей. Мать пела ему тихие песни даже тогда, когда давно миновал возраст засыпать под колыбельную, и вечерами, искалывая в кровь пальцы, старательно расшивала бисером много красивых мокасин и замшевых рубаш; аккуратно нарезала ножом длинную бахрому, что должна была защитить сына от проникновения злых духов во швы его одежды. Всё это жило в памяти Чокто и ласкало душу, как теплая береговая волна. Воспоминания скользили одно за другим, а он продолжал лежать на шкурах, раскинув мускулистые руки, смотрел на законченный потолок, а мысли всё шли и шли...

– Сынок, тебе пора жениться, – Две Луны не спеша выбил трубку и начал прочищать глиняный мундштук от скопившейся в нем смолы.

Чокто нахмурился. Этот разговор за последний год отец заводил не впервые.

– Почему ты не хочешь взять в жены ни одну из девушек нашего племени? Разве они рябы лицом или горбаты?

Чокто молчал и слышал, как старик недовольно засопел, отложив трубку, и принялся чесаться – его донимали вши.

– Я же говорил тебе, – Чокто, скрестив ноги, поудобней уселся у очага. – Не пытайся заглянуть в мое сердце, отец. Нет женщины в нашем племени, которая заставила бы вскипеть мою кровь. Нет ее и среди нутка, хайда и бэлла-кула, в селеньях которых я искал ее. Две ночи назад я ходил к скале Четверых, сидел среди птичьих гнезд и слушал голоса духов. Смотрел на сестру Солнца, на их детей, что сверкают в ночном небе, и ждал ответа.

Две Луны опустил тяжелую голову, седые волосы касались шкур. Он не перебивал сына, пытаясь вникнуть в смысл сказанного.

– И что же поведали они тебе? – анкау провел по лицу шершавой, как терка, ладонью.

– Много шептали они. Много я не понял. Говорили, что сын Касатки не боится выйти с ножом на медведя, не бежит от его когтей и клыков... Говорили, что Чокто не раз брался за весло, отправляясь с воинами в набеги за калги и возвращался, – его баты были полны богатств и чести. Но в одном они не могли сойтись, как и ты. Почему минуло три раза по десять зим, а дом Чокто не согревает женский смех, нет детей, как у его сестер и братьев... Его разум отяжелел от дум, – сказали они. – От дум, что идут вразрез с обычаем шехалисов.

Сказав это, сын вождя замолчал, устыдившись своей дерзости. Но внимательный голос отца заставил его вновь поднять голову.

– Сынок, погляди на меня.

Чокто посмотрел на широкое скуластое лицо, на крупный нос, нависающий орлиным клювом над верхней губой, на родные глаза, что серьезно, но дружелюбно смотрели на него, и ощутил незримую поддержку.

– Мое семя породило тебя, – глухо сказал Две Луны, – ближе на земле у тебя нет человека. Откройся, может быть, я смогу чем-то помочь.

Чокто встрепенулся от этих слов, исполненных доброты, и поведал старику о чувствах и мыслях, что наливались в нем непомерной тяжестью за последние годы.

Глава 4

– Однажды приснился мне сон, что ходил я на охоту... Не скажу, удачной она была или нет. Помню только, что мокасины изорвались в клочья, и острые камни царапали мои стертые ноги... Солнце сжигало спину, я задыхался от жажды, голод грыз крысой мое нутро, и вот когда я уже лег на землю и стал говорить с духами перед смертью... Вдруг надо мной пролетела Белая Птица и сказала: «Вставай, сын Людей Берега, следуй за мной, я укажу тебе путь к воде...».

Две Луны, не перебивая сына, набил трубку, подцепил из очага тлеющую ветку и закурил. Когда она раскурилась, он передал ее Чокто красным чубуком вверх. Сын протянул руку и с благодарностью принял трубку. Закурил. Не один раз наполнял он легкие ароматным дымом, неторопливо выдыхая его. И когда выкурил, вернул трубку отцу, а голос его, выходящий из широкой рельефной груди, задумчиво звучал, будто эхо.

– Помню, я поднялся, и точно раненый зверь, с трудом добрался до воды. Но только губы мои коснулись родника, как силы вернулись, а боль пропала. Видимо, эта вода была заколдованной.

– Кто ты? – спросил я Белую Птицу.

– Та, кто спасла тебе жизнь, Чокто. Та, кто станет твоей женой. Я живу далеко, за Большой Водой, там, где садится Солнце. Много лун надо плыть на каноэ, чтобы достичь этой земли... Тебе никогда не добраться туда, но ты жди... Я сама приду к тебе. Помни, Белая Птица спасла тебе жизнь, потому что любит тебя.

Так сказал Чокто.

Когда у него вышли слова, он замолчал, глядя на алые глаза углей, и в бараборе вновь стало слышно дыхание тишины.

Две Луны долгое время оставался недвижим.

– Сын мой, – промолвил наконец он. – Это вещий сон. Твоя душа странствовала далеко от дома... Ты спрашивал совета у Цимшиана?

– Да, – Чокто наморщил лоб. – Но шаман сказал, что только Мать Касатка сумеет разрешить этот сон. Если она откликнется на зов и примет мою жертву – это будет хороший знак, если нет – то надо остерегаться.

Две Луны покачал головой, потом достал из кожаного мешка священную связку, заматанную в пеструю нерповую шкуру и, не разворачивая, потер ею плечи и лоб сына. Узел священной связки был очень древним: его тюленья покрывка с одного края превратилась в труху и оттуда, как заметил Чокто, торчали серповидные когти ястребиной лапы.

Сын Касатки косился на этот амулет, приносящий удачу, но сказать о прорехе отцу не решился, потому как нельзя говорить о священных вещах других, нельзя даже знать, что хранится в этом узле. Священная связка – табу.

– За Большой Водой живут белые люди. Наш народ от них не видел ничего хорошего...

– Но и плохого! – глаза Чокто сузились.

– А слышал ли ты, щенок, сколько они сожгли деревень колошей?⁵¹

– Эти змеи издревле были наши заклятые враги!

На какой-то миг их взгляды скрестились, как хорошо отточенные топоры. До сегодняшнего дня у сына и отца не было повода для соперничества. Каждый ведал о силе другого, но интересы, возраст, родство и положение в куане не давали повода для вражды. Правда, в глупине души старый вождь опасался старшего сына. Нередко он давал Чокто крайне опасные задания, подвергая его жизнь смертельному риску, но, видно, Великий Дух оберегал его – из

⁵¹ Колоши – русское название воинственного племени Аляски тлинкитов. (Головин В. М. Путешествие вокруг света на шлюпе «камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. – М.-Л.: 1949).

всех военных походов Чокто возвращался еще более заматеревшим воином, и сородичи пели ему похвалу и слагали песни.

Однако Две Луны был на совете выбран атлен анкау⁵² отнюдь не за свою медвежью силу, а за обладание несо-мненными качествами вождя. Он думал о нуждах племени, был снисходителен к своим приверженцам из разных военных обществ. В нужную минуту был храбр, решителен, хитер, при этом верен данному слову и по-своему справедлив. Поэтому, улыбнувшись на вспышку сына, он ответил с легким оттенком предупредительности:

– Да, они кровные наши враги, но для бледнолицых нет разницы между колошами и шехалисами. Так же, как для тебя нет разницы между родниковой и ключевой водой. Когда их большие крылатые лодки доберутся до нас, смерти и болезни придут на землю Береговых Людей. Поэтому берегись, Чокто! Белая Птица зла. Выпьет твою кровь. Или напустит болезнь, от которой зачахнешь...

– Почему зла? Она спасла меня. Я умирал от жажды, а она довела меня до воды.

Лицо вождя чуть посветлело, но густые, сросшиеся брови продолжали хмуриться.

– Боюсь за тебя, – хрипло, с суеверной нотой пробормотал Две Луны.

– Не бойся. Чокто отыщет ее... И приведет в твою барабору.

– Где ты найдешь ее?

– Не знаю, – сын Касатки неопределенно пожал плечами. – Белая Птица сказала, что мне надо ждать. Она сама найдет Чокто.

Оба замолчали, глядя на прогоревшие угли. Сердце старого вождя вдруг сжалось: тревога и страх охватили его. Белая Птица, пришедшая к Чокто во сне, была для него самой живой, настоящей колдуньей, которая собиралась тайными чарами отнять у него старшего сына.

Разговор затягивался, и Чокто, мучаясь от томительных пауз, принялся на специальном камне затачивать наконечники стрел.

– Зачем ты, отец, говоришь, что белые люди плохие? Они, как и мы... Кто любит чужаков, а кто нет. Но в сердце ни у нас, ни у них нет ненависти. Мы бережем ее для врага. Разве Водяная Крыса не наш друг? Без него у шехалисов не было бы громовых палок и быстрого свинца...

– Да, это так, – Две Луны сделал глубокий вдох сквозь тонкие, как пергамент, ноздри. – Но вот что запомни! У меня только один язык, и я скажу правду: шехалисы не должны близко подпускать к своему сердцу Водяную Крысу и его людей. Их глаза прозрачны и изменчивы, словно весенний лед в стране атена⁵³. А язык раздвоен и лжив. Шкура росомахи красива, но повадки ее черны. – Две Луны пожевал губами и сцепил зубы, точно воздержался сказать что-то еще. – Ладно, последуем совету жреца. Цимшиан прав, надо спросить Мать Касатку.

Старик придирчиво порылся в шкурном мешке, где, сбившись в кучу, словно летучие мыши, лежало несколько пар новых мокасин, и выбрал какие попроще.

* * *

В эту ночь Чокто опять уходил из стойбища и лежал на прохладных мехах. В расщелинах скал и далеких фьордах стонали ночные ветры, и духи гор переговаривались между собой, но сколько ни пытался Чокто понять их язык, у него не получалось. Где-то в предгорьях завыл волк, и другой брат отозвался ему, и еще один, и их песня волнами прокатилась по молчаливому берегу.

Чокто прислушивался к ночи, плотнее заворачиваясь в медвежью шкуру. С морскими ветрами до него донесся – он это слышал и не слышал – нежный голос, летящий с неба: «Жди меня, Чокто... Я скоро сама приду к тебе...» Он попытался поймать неведомую птицу, но

⁵² Атлен анкау – верховный вождь; самый влиятельный человек всего племени, в которое входило несколько родов (или куанов). (Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974).

⁵³ Атена, небесна, туштоны – индейские племена Северо-Западного побережья. (Прим. автора).

пальцы его схватили лишь голубой дым. Туман проплыл над головой. Видение исчезло, и уж совсем из небес долетел головокружительный крик: «Жди меня!.. Я скоро сама приду к тебе...»

Глава 5

Оба шлюпа, спущенные за пресной водой, благополучно вернулись. Люди были радостные, в бочках плескалась родниковая вода, долгожданная земля вселяла надежду. Гергалов чин по чину отчитался Преображенскому, что видел на берегу, что привлекло внимание.

Сказывал, что людей приметить не удалось, зато четверо матросов, отпущенных пострелять дичь, обнаружили в глубине леса две брошенные хижины, или, лучше сказать, шалаши. Те стояли бок о бок в траве, окаймлявшей белые камни, и вызвали у матросов живой интерес. Над хижинами, защищая от ветра и дождя, низко нависали тяжелые ветви деревьев, совсем лишая солнечных лучей. Жилища эти были похожи друг на друга как два птичьих гнезда и, по мнению видевших их, отличались удивительной прочностью и простотой конструкции. Невысокие, вырезанные из молодых деревьев жерди были воткнуты в землю и образовывали круг десять футов шириной. Их гибкие верхушки согнули и связали все вместе сыромятными ремнями. Сверху каркас был покрыт шкурами и густолиственными ветвями какого-то дерева, весьма похожего на клен. По бокам жилища были утеплены дерном и сеном на высоту в фут.

– Жалкое зрелище, скажу я вам, Андрей Сергеевич: груды обглоданных костей, тучи мух, вонь несусветная. Словом, рассадник заразы. Не знал вашего мнения, а так бы, ей-Богу, спалил бы эти халупы.

В это время раздался стук, и в каюту капитана пожаловали почти полным составом господа. Вперед вышел старший офицер и, почтительно кивнув, улыбнулся. Улыбка была безупречной, под стать вычищенному и отутюженному вицмундиру, который Захаров, как, впрочем, и остальные, надел по случаю встречи с берегом. В светлых глазах его плясали лукавые огоньки, которые у старых и молодых матросов почему-то неизменно вызывали к нему симпатию.

– Андрей Сергеевич, – отчасти смущенно и сбивчиво начал он. – Дозвольте матросу душу отвести... Да и нашему брату не грех сердцем оттаять... Всё же такой путь, столько нервов... полагается.

– А людей не пропьем? – капитан оторвал взгляд от судового журнала, очередную страницу которого испещрял его беглый почерк, и отложил перо. Он удивленно смотрел на моряков, на Захарова, полное лицо которого теперь было торжественно и серьезно и не имело обычного на-дуто-строгого вида.

– Никак нет! – сорвалось с губ Мостового, тут же, правда, умолкшего под строгим взором Дмитрия Даниловича. – Выставим усиленный караул, ваше высокоблагородие. Бросим второй якорь. Я, знаете ли, склонен уверить вас, что зачастую предсказания... стало быть, события не сбываются именно потому, что были предсказаны.

Захаров добродушно склонил голову набок и ерзнул пальцами по пуговицам кителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.